

А.Е. Черцов

В ОГНЕ ТОРПЕДНЫХ АТАК

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

Герой Советского Союза
А. Е. ЧЕРЦОВ

В огне торпедных атак

Андрей Ефимович
ЧЕРЦОВ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА • 1959

Автор книги «В огне торпедных атак» — Герой Советского Союза Андрей Ефимович Черцов — в годы Великой Отечественной войны сражался против фашистских захватчиков на Черном море.

В своих воспоминаниях он рассказывает о тяжелых испытаниях военного времени и героических подвигах черноморских моряков из отряда торпедных катеров, совершавших дерзкие налеты на вражеские корабли как в открытом море, так и на их стоянках; об участии в боях за освобождение Новороссийска и города-героя Севастополя.

К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Федеральное агентство морского и речного транспорта по просьбе автора перевыпускает книгу героя СССР А. Е. Черцова «В огне торпедных атак».

МОРЕ ЗОВЕТ

Шел 1925 год. Мы жили в казачьей станице, недалеко от Краснодара.

В камышовых плавнях и в лесах за рекою тогда только что отгремели бои между красными отрядами и белогвардейскими бандами. На Кубани прочно обосновалась Советская власть. Но станицы продолжали еще шуметь, устраивая новую жизнь.

Зажиточные казаки и кулачье из иногородних, недовольные установившимися порядками, злорадствовали по поводу каждого мелкого промаха и неудачи местной власти, всячески вредили ей. Большинство же — середняки и бедняки — радовались избавлению от вечной кабалы.

Мой отец, Ефим Черцов, бывший кавалерист-красноармеец, был всегда в курсе станичных дел. К нему шли за советом, с жалобой. И он для каждого находил доброе слово.

В памяти хорошо сохранилась сходка на площади, решавшая вопрос о создании первого колхоза. Страсти разгорелись. Богатей, потрясая кулаками, кричали:

- Долой, не хотим!
- И баб наших общими сделаешь?
- С голодудохнем...

Отец, крепкий, коренастый, спокойно стоял среди них и насмешливо отвечал:

— Ты бы, Спиридон, помолчал о голодной-то смерти. Сколько у тебя в сарае хлеба зарыто?

И Спиридон действительно затих. А отец тем временем взялся уже за другого:

— Не тебе бы, Петр, о бабах печалиться. У тебя хоть и борода седая, а ни одной солдатки не пропустишь, всех приласкать стараешься.

Петр, седой, благообразный старик, тоже примолк, только в бессильной ярости потряс палкой.

Рядом с отцом, уцепившись за его шаровары, стоял я, маленький, босоногий, прислушивался к зловещим выкрикам из задних рядов толпы:

— Смотри, Ефим... Поплачешь кровавыми слезами!

Отец, гневно выпрямившись, сверкнул глазами.

— Кто там? Выходи, поговорим начистоту!

И с презрением сплюнув, добавил:

— Струсил... А меня, красного казака, не испугать. Мы за новую жизнь голов не жалели. Так-то, граждане, — обращаясь уже ко всем, продолжал он. — Не такие ли крикуны загнали тогда нас к берегу Кубани и на пики подняли над обрывом?..

Отец сорвал через голову рубаху, обнажая грудь со страшным багровым шрамом.

— Смотрите, какую отметину сделали. И то не испугался...

Во мне росла гордость за отца.

— Мой отец самый смелый, — хвастался я ребятам, — никого не боится.

И сердился на мать, которая вечерами, когда в доме собиралась вся семья, говорила:

— Постерегся бы ты, Ефим. Что у тебя, две головы на плечах? Убьют, куда я с малыми денусь?

— Ничего, — отшучивался отец, — не так страшен черт, как его малюют. Верно, Андрейка?

— Верно, — соглашался я и забирался к нему на колени.

Я любил такие вечера. Трещал огонь в печи, и было как-то особенно хорошо в небольшой хате, которую мы снимали у одного из богачей. Отец рассказывал о войне, о знаменитом походе Таманской армии. Я прикрывал глаза, и мне грелилось, что в одной из бричек трясемся и мы вместе с матерью и старшим братом.

А отец тем временем уже спрашивал брата:

— Ну как, сынок, уроки приготовил?

— Все, папа.

— Учись хорошенько. Теперь наша власть, много грамотных людей надо.

— Я механиком буду на тракторе, — уверенно говорил брат.

— А я моряком! — мечтательно вставлял я, спрыгивал с колен отца и лез на лавку, посмотреть прибитую на стене репродукцию картины Айвазовского «Девятый вал». — Во, какие волны, а моему кораблю все нипочем.

— Сперва подрасти, морячок, — ласково обнимала меня мать.

— Подрасту и буду моряком, — упрямо твердил я.

— Будешь, будешь, сынок, — отец брал меня на руки и подбрасывал вверх, насколько позволял наш низенький потолок.

Долгожданным было для меня в том году первое сентября. Еще с вечера приготовил специально сшитые для школы рубашку и штаны, начистил первые в своей жизни маленькие сапоги. Но самой большой моей гордостью была шапка-кубанка с красным верхом.

Утром брат взял меня за руку и повел в школу. У крыльца нас встретил учитель Яков Сергеевич Деревянко и шутливо сказал:

— Проходи, проходи, иногородний казак.

Еще с времен Екатерины Второй жители Кубани делились на казаков-старожилов и иногородних — крестьян, оседавших в крае в поисках куска хлеба и работы. Многие иногородние обзаводились своим хозяйством, но большинство батрачило у казаков-богачей.

Отец мой тоже был из иногородних, однако в войну служил в казачьем полку и теперь имел право носить казачью форму. Потому-то учитель, глядя на мою кубанку, и назвал меня «иногородним казаком».

Мое желание учиться было велико. Особенно хотелось научиться читать, чтобы не зависеть от брата, который в вечерние часы по моей просьбе читал иногда вслух о каком-либо морском путешествии или сражении.

А брат подзадоривал:

— Долго еще помусолишь букварь, прежде чем сам читать станешь.

Но и букварь заинтересовал меня. Я охотно «мусолил» его. Помню, как велика была моя радость, когда буквы вдруг будто сами сложились в слова: «Мы не рабы. Рабы не мы».

А мечта о море все крепла. Первой картинкой в моей школьной тетради по рисованию был корабль с предлинными пушками, торчавшими далеко за борт. Первая книга, которую я одолел самостоятельно, представляла собой описание какого-то морского боя.

Одним из моих лучших друзей стал Борис Гильдунин — сын директора средней школы. Его отец собрал большую библиотеку, и Борис брал у него нужные нам книги. Читали мы их то по очереди, каждый у себя, то вместе, уединясь на чердаке школы.

Весь чердак был нами разрисован. Здесь можно было встретить корабли всех классов: и броненосцы времен Цусимы, и Петровские галеры, и фрегаты Нахимова. На печных трубах в рост человека красовались фигуры пиратов. В другом месте были нарисованы все виды морского холодного оружия: кортики, сабли, ножи.

Такую жизнь мы вели, пока «форт», где мы базировались, не разгромил школьный сторож. За мазною досталось обоим. Да еще и на чердак лазить запретили.

Что было делать?

За школьным забором, неподалеку от кладбища, находилась почти никогда не высохавшая огромная лужа. Мы превратили ее в «океан» для нашего «флота». Газеты и оберточную бумагу использовали как строительный материал для наших кораблей.

Скоро у каждого из нас было приготовлено десятка по три бумажных кораблей. Мне, как младшему, товарищ приказал вывести свой флот на середину моря и пустить по ветру. Корабли Бориса, имея большую парусность, должны были настичь мой отступающий флот и в «жестокое морское сражении» уничтожить его. А чтобы сражение получилось достаточно эффективным, мы насыпали в корабли пороху и положили фитили различной длины.

Выполнив это дело, «адмиралы» обоих флотов засучили выше колен штаны и последовали стороной, каждый за своими кораблями, чтобы исправлять при необходимости их курсы.

И вот флоты сблизилась. Корабли сбились в кучу. Некоторые шли борт о борт вместе, фитили стали догорать. Огонь достиг «пороховых погребов», и один за другим начались взрывы. Мы вошли в такой азарт, что даже осипли

от крика и, доказывая каждый преимущество своего флота, тут же посреди лужи начали тузить друг друга.

Наступили сумерки. Мокрые с головы до ног, но в полном восторге от своей затеи возвращались мы домой. И хотя получили немало подзатыльников от матерей, на следующий же день возобновили нашу игру...

Прекрасны годы беззаботного детства! Но скоро они кончились.

Однажды вечером в 1929 году к нам на хутор приехал посыльный из станичного Совета. Отца вызывали на собрание в станицу.

— Сядь на коня, далеко, — посоветовала мать.

— Ничего, — возразил отец, — конь за день устал. — Я лучше пешком.

Ушел он тогда и больше не возвратился. Нашли отца недели через две, в степном колодце. Голова была разрублена топором, вся грудь в ножевых ранах.

Мать не перенесла этого. Она умерла вскоре же после гибели отца. Я оказался на попечении бабушки. Жили впроголодь, побирались по соседям. Терпел я терпел такую жизнь и подался в Краснодар, стал беспризорничать. У меня появились новые товарищи, совсем непохожие на прежних. Мы промышляли на базарах, ночевали на чердаках, в заброшенных подвалах. Как-то нам «посчастливилось» стащить кошелек с деньгами. Стали делить добычу. Вдруг подходят взрослые парни и требуют отдать кошелек им. Я запротестовал и... очнулся в больнице, с тяжелой ножевой раной.

Нет худа без добра. Из больницы попал в детский дом, где и закончил семилетку.

Захотелось учиться дальше. Вместе с одним из моих друзей по детдому Юрием Сотниченко поехали в город. Сунулись по наивности в институт местной промышленности. Там над нами посмеялись и вежливо выпроводили:

— Окончите сперва десятилетку.

Тогда мы решили проситься воспитанниками в кавалерийский полк. Но и здесь нас постигла неудача.

После этого Юрий поступил на завод. Я же продолжал поиски.

Бродя по улицам Краснодара, увидел объявление; «Производится набор студентов в Кубанский медицинский рабфак. Подавать заявления могут учащиеся пятых, шестых

и седьмых классов, достигшие 17-летнего возраста. Студенты обеспечиваются стипендией и общежитием».

Не прошло и нескольких минут, как я очутился в канцелярии рабфака. Выслушав мою просьбу, секретарь и делопроизводитель от души рассмеялись: мой маленький рост подвел меня — люди не поверили, что мне уже 17 лет. Преподаватель истории Штепа дружески взял меня за плечи и провел к выходу, приговаривая:

— Подрости, а потом уж приходи... Очутившись за дверью, я дождался, когда уйдет историк, и снова юркнул в канцелярию.

— Я не для себя, меня брат прислал... Мы живем в станице. Скажите, пожалуйста, какие документы нужны для поступления?

Не берусь судить, поверила ли секретарь этой наивной хитрости или ей просто захотелось избавиться от меня, но просьба моя была удовлетворена. Девушка взяла лист бумаги, написала на нем, перечень документов, приложила к нему анкету, подала мне:

— Вот, все здесь.

И записала фамилию «моего брата» в журнал.

Требуемые документы были, конечно, представлены, и в назначенный день я приехал сдавать экзамены. Теперь вид у меня был приличней. В ботинках, как мне казалось, я выглядел гораздо выше. Да и знания у меня оказались порядочными: как никак окончил семь классов (другие имели только по пять–шесть). Меня зачислили сразу и даже не на первый, а на второй курс.

Учение шло хорошо, хотя обстановка выглядела для меня непривычной. Моими соседями в классе были взрослые люди. Особенно запомнились двое: слесарь Копайгора и работник Осоавиахима Мария Дьячкова. Они сыграли большую роль в моем воспитании.

Два года прошли трудно. Вечерами работал, а днем учился. Хотя быть медиком я не собирался и продолжал мечтать о море, но занимался серьезно. Как бы там ни было, окончив это учебное заведение, я получал среднее образование, что приближало меня к заветной мечте.

Но вот закончен и третий курс медрабфака. Идя на встречу моим стремлениям, комсомол направил меня в Севастополь в Военно-морское училище.

Теплым августовским вечером мы, группа будущих моряков, попрощались с Краснодаром, и поезд помчал нас к морю. Еще из окна вагона мы увидели безбрежную синеву. Вода и небо!

В Новороссийске я как зачарованный стоял на берегу и не мог оторвать глаз от морского простора.

И совсем не предполагал я тогда, что впоследствии здесь, в Новороссийском порту, мне доведется стать свидетелем и участником таких грозных событий, которые врежутся в память на всю мою жизнь.

ДНИ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Рассекая форштевнями зеркальную гладь моря, шестерка торпедных катеров после успешного завершения учебного похода возвращалась в базу.

У штурвалов стояли совсем еще юные, безусые командиры, выпускники Черноморского Высшего Военно-морского училища. Они пришли в бригаду на стажировку, чтобы потом, осенью, получив дипломы, вернуться сюда навсегда служить Родине.

Сколько впечатлений! Сколько переживаний! Есть о чем рассказать товарищам вечерами в уютном кубрике базы.

...Владимир Степаненко неожиданно вышел в атаку на корабль и успешно торпедировал цель.

...Катеру Анатолия Крылова было дано задание темной ночью зайти в залив, произвести разведку и, обогнув косу в районе, занимаемом «противником», присоединиться к своей группе. Крылов отлично изучил карты, знал, что у корня косы есть промоина и в полную воду через нее можно выйти в море. Он так и сделал, чем сэкономил горючее и время, а главное, обманул «противника».

...Мой катер стоял в точке, готовый к выходу в атаку. Вот-вот поступит сигнал. Но тут выясняется, что другой стажер, от которого я принял командование катером, маневрируя с торпедой, на буксире, намотал на винт трос. Из-за этого атака могла сорваться.

Попросив разрешения, моторист Доскевич и я разделались и прыгнули в воду. Размотали трос, вылезли из воды.

И вовремя! Как раз в этот момент радист принял сигнал атаки. Катер устремился вперед, задачу выполнили успешно.

День был субботний. Каждый из нас знал, что, произведя авральные работы и приборку на катерах, мы шумной компанией пойдем в город. Предвкушая веселый отдых, одни думали о встрече со своими подругами, другие мечтали о «пяточке», где обязательно будет греметь гарнизонный оркестр, третьи собирались в клуб поиграть в шахматы, бильярд, почитать свежие газеты и журналы.

Но вот минула суббота. Отдохнувшие, счастливые, легли мы спать. А утром на всех обрушилась грозная весть: война!..

Трудно передать то состояние, которое охватило меня при известии о вероломном нападении гитлеровских полчищ на нашу Родину. Сильнее всего проявлялось чувство большой тревоги за все: за наших людей, за города и села, за поля, засеянные хлебами, за судьбу Отчизны.

Все мы были крайне возбуждены, взволнованы. Прибывав по тревоге на элинг, мы быстро спустили катера на воду и начали принимать боеприпасы. На борт грузились длинные стальные сигары — торпеды. Но теперь у них вместо красных учебных головок были присоединены боевые зарядные отделения. К пулеметам несли ленты. Принималось горючее. Весь день был заполнен приведением материальной части в боевую готовность.

Особенно запомнился мне момент вручения личного оружия. Всех нас, мичманов, вызвали в штаб. На большом столе, покрытом зеленым сукном, лежали рядышком новенькие позолоченные кортики. Командир соединения сообщил, что поступил приказ об окончании нашей учебы и практики.

— Теперь вы командиры славного Военно-Морского Флота, — говорил он. — Вам будут доверены боевые корабли и жизнь их экипажей. В ознаменование этого важного события торжественно вручаю вам знак командирского отличия — личное оружие.

С наступлением темноты над нашей базой появились первые вражеские самолеты. Они сбрасывали в Днепробугский лиман мины.

Начались дни войны — суровые, напряженные, наполненные тяжелыми испытаниями и всевозможными опас-

ностями. Катера стали выходить в дозоры для охраны побережья и кораблей, на охоту за подводными лодками противника.

При обороне Одессы каждому из нас приходилось выполнять конвойную службу сопровождать транспорты с ранеными и эвакуированным населением.

Помню, как на одном из причалов я увидел сидевших на узлах старика со старушкой. Они ожидали начала посадки на пароход. Около них играли маленькие ребята. Это были их внуки.

К ребятишкам подошел моряк. Правая рука у него ранена. Матрос подлежал эвакуации. Но, поговорив со стариками, узнав, что три их сына и две дочери остались защищать Одессу, боец присел и задумался. Когда подошла его очередь садиться на корабль, он обратился к одному из матросов команды с просьбой:

— Подари мне, браток, бескозырку свою. Ты уходишь на Большую землю, там сможешь получить новую...

Он одел бескозырку вместо пилотки, полученной в госпитале, спустился по трапу на причал и направился в город. Долго с парохода наблюдали за широкоплечей фигурой моряка, уходившего туда, где кипел бой за его родную Одессу.

Приняв на борт раненых и эвакуированных, транспорт тихо отвалил от пирса. Катерам старшего лейтенанта Пилатова было приказано сопровождать его.

Лучи заходящего солнца играли на чисто надраенных медяшках транспорта. Катера построились в охранный ордер. В этот момент со стороны Днестровского лимана появились самолеты противника. Тяжелые серые машины с черными крестами на крыльях, не сумев пробиться сквозь заградительный огонь зенитных батарей к городу, стаей бросились на транспорт. Но, увы, и здесь их ждала неудача. Прежде всего их встретили наши истребители. Затем пришла на помощь зенитная артиллерия проходившего недалеко эсминца. И вот уже один из самолетов противника резко пошел на снижение, волоча за собой полосу черного дыма. Фашистский стервятник пытался дотянуть до берега и сесть за линией обороны города, но врезался в обрыв у мыса Большой фонтан.

...Война разгоралась. Все чаще и чаще боевые катера получали повреждения, выходили из строя. Базовые ре-

монтные мастерские были перегружены, но и нашему кораблю «У-3» уже требовался планово-предупредительный ремонт. Поэтому нас было решено отправить в Херсон.

Переход до Херсона завершился благополучно. Но не успели мы поднять катер на берег, как кругом завывли сирены, объявляя воздушную тревогу. Загрохотали зенитные батареи. Небо покрылось облачками разрывов. К счастью, вражеские самолеты не сумели преодолеть плотного заградительного огня и, не дойдя до города, сбросили свой груз в болото.

По правилам, когда катер не в строю, его личный состав при всех тревогах должен уходить в укрытие. Это сделали и мы.

— А где боцман? — спросил я, не видя его среди нас и намереваясь дать ему распоряжение на предстоящие работы.

После отбоя мы обнаружили боцмана в рубке катера. Он снимал пулемет вместе с турелью. Через некоторое время я увидел его уже на крыше высокого здания пристраивающим турель к печной трубе.

Налеты самолетов противника были часты. Мы вскоре перестали обращать на них внимание и во время воздушных тревог продолжали работу у катера. Только боцман при этом быстро взбирался на крышу и занимал место у своего пулемета.

Однажды самолет противника прорвался к мастерским. Вражеский летчик считал уже себя у цели, как вдруг навстречу ему, почти в упор, потянулась пулеметная трасса и правый мотор окутался дымом. Самолет резко накренился и со снижением пошел в сторону лимана. Это было дело рук боцмана.

Отремонтировав катер, мы привели его снова в базу. Я получил назначение на новый корабль в подразделение капитан-лейтенанта Изофатова. Но вскоре нам пришлось оставить Очаков: мы перебазировались в Крым.

Из Севастополя наши катера очень часто выходили для несения блокадного дозора в Каркинитский залив. Наступила уже штормовая осень, и мне, молодому командиру, не получившему еще достаточного опыта вождения катера, пришлось на первых порах туго.

Особенно запомнился мне случай, происшедший с нами в бухте Ак-Мечеть.

...Волны становились все круче и выше. Ветер, срывая белые гребни, разбрасывал их вокруг колючими иглами. По небу неслись темные, зловещие облака.

— Быть шторму, — усталое сказал боцман.

Мы возвращались с задания. Надо было спешить, чтобы успеть укрыться в бухте Ак-Мечеть, где тогда базировалась наша группа.

Тяжело приходится экипажам малых кораблей, застигнутых штормом в море. Торпедный катер — грозное оружие. Он вступает в единоборство с самыми большими военными кораблями и часто выходит победителем. Но он мал. На нем все рассчитано до мелочей. Лишнего ничего нет.

Экипаж катера в походе все время находится на своих боевых постах. Тут и едят, и отдыхают. Греются и сушатся у горячих моторов.

В непогоду труднее всех бывает верхней команде. Волны и дождь мочат их с ног до головы. Зимой снег слепит глаза, обмерзает одежда. Но и мотористам не лучше. Попробуйте держать заданный режим, когда катер бросает из стороны в сторону. Да к тому же жара, духота.

А в шторм и совсем плохо.словно большой мяч, прыгает катер с волны на волну. Болтанка такая, что кажется — вот-вот все внутренности наизнанку вывернет.

Поэтому мы и спешили еще засветло прийти в бухту, где можно было бы перестоять эту штормовую ночь. Но и в Ак-Мечети волны бушевали всюду. Выкатываясь из-за мыска, они с шумом обрушивались на прибрежные мели, поднимая со дна песок и ракушки.

Не было никакой возможности ошвартоваться. Впрочем, нас беспокоило не это. Все равно у причалов катерам с торпедами на борту стоять не разрешалось. Вернувшись из похода, мы подходили к ним только для заправки, а потом становились на якоря по углам бухты. Здесь мы и ожидали следующего выхода.

Болтаясь на якоре, личный состав катера не мог в достаточной мере ни отдохнуть, ни обогреться, ни покурить. Поэтому мы всегда старались стать к борту какого-нибудь судна. Больше всего мы благодарны за гостеприимство «тюлькину флоту», как в шутку называли тогда рыбацкие сейнеры.

Бывало придут катера с моря. Экипаж мокрый, прозябший. Взоры сразу же обращаются к мелководной части бухты, где обычно находились сейнеры. Заправившись, спешим к ним. Прилепимся к борту, закрепим швартовы, выставим на катере вахту, и в гости к рыбакам.

Трюм сейнера гораздо больше, чем отсек катера. Посредине докрасна натопленная «буржуйка», на ней огромный чайник. Под палубой натянута концы, на которых можно просушить верхнюю одежду. Не помещение, а рай!

У рыбаков — свежая рыба, а у нас, катерников, — тушенка, «наркомовские сто граммов».

Пока готовится ужин, идут разговоры о положении на фронтах, о погоде. А потом можно поиграть и в «козла», и в шахматы. В печке гудит огонь. Тепло! Хорошо!

Так было и в этот вечер. Единственное более или менее спокойное место в Ак-Мечетской бухте — в небольшом заливишке за мыском. Не подходя к причалу, мы направились туда — к двухмачтовому судну.

— Эге-й! На сейнере! Принимайте гостей! — еще издаля закричал боцман, держа в руках свернутый в кольца швартовый конец.

Хотя на сейнерах и побаивались соседства начиненных боеприпасами катеров, но всегда встречали нас гостеприимно. Там были настоящие моряки, знавшие, в каком положении находятся катерники. Вот и сейчас сразу же раздалось несколько голосов с кормы и носа:

— Добро пожаловать! Подавайте швартовы!

Не прошло и нескольких минут, как катер был ошвартован, а мы все, кроме вахтенного, уже сидели в теплом трюме. Вскоре из люков повалил пар от сохнувшей одежды, на печке вскипел чайник, разогрелась тушенка.

Сейнер оказался не рыбацким. Он ходил под военным морским флагом, выполняя различные специальные задания командования. Командиром на нем был мой хороший друг Николай Кирпичев, с которым мы вместе учились в Черноморском училище. Непогода и его загнала в эту маленькую бухту.

Мы сидели у раскаленной печки. Теплота морила, клонило ко сну. Сейнер сильно покачивало. Очевидно, ветер изменил на несколько румбов свое направление, и волны теперь заходили и за мысок, где стояли наши корабли.

Ветер свистел в снастях, кранцы скрипели между бортами, в струну натягивались швартовы.

Я было задремал, как вдруг рывком открылся люк и раздался голос вахтенного:

— Всем наверх, лопнул носовой у катера!

Наверно, вспугнутая стая воробьев не взлетела бы в воздух быстрее, чем наш экипаж оказался на палубе сейнера.

Катер бросало на волне, разворачивая под корму судна. Еще две — три минуты — и он обломает консоли о его рули.

Я перепрыгнул на катер. За мной хотели было последовать остальные члены экипажа, но я закричал им:

— Травить кормовой!..

И механику Лукичеву, несшему в это время вахту на катере:

— Подать запасной фалинь на сейнер!

Когда носовой трос закрепили на сейнере, а кормовой стравили, авария была предотвращена. Можно было, оставив на катере вахтенного, идти заканчивать ужин на сейнере.

Но не всегда бывает так, как хочется. Став на бакштов, мы заметили, что место стоянки сильно изменилось. Якорь сейнера держал плохо, и нас сносило на мель. Кирпичев приказал завести двигатель, выбрать якорь и перейти на другое, более глубокое место.

Я не успел крикнуть членам экипажа, чтобы они подтянули катер и перепрыгнули на него, как Кирпичев дал ход. Когда сейнер вышел из-за мыска, сильная волна рванула катер, трос, не выдержав, оборвался. Стальной конец хлестнул по палубе и рубке, разбил иллюминаторы и смотровые стекла.

Катер понесло к берегу. В первые минуты я растерялся, по спине поползли холодные мурашки.

«Что делать, — лихорадочно думал я. — Ведь на катере только я и механик».

Всего второй месяц, как я начал плавать самостоятельно, опыта у меня не было. С тревогой взглянул на главного старшину Лукичева. Тот понял и тактично пришел мне на помощь. Как будто не замечая моей растерянности, спросил:

— Разрешите заводить правый мотор?

«Заводить? Но как?! Ведь мотористов на катере нет. И потом, почему именно правый мотор?» — недоумевал я.

А Лукичев продолжал:

— Вы, товарищ командир, становитесь к дросселям, а я пойду в машину, приготовлю моторы и заведу их.

С горячей благодарностью посмотрел я на своего механика. За время сверхсрочной службы он накопил большой опыт, отлично знал свое дело и в нужный момент умел, не нарушая воинской этики, подсказать молодому командиру правильное решение.

Механик опустил в отсек. Я поднял рукоятку дросселя на несколько делений, в машинном отделении раздалось шипение, а затем шум стартера. Правый мотор задрожал и заработал.

Лукичев включил муфту, соединяющую мотор с валом. Катер пошел. Струи воды надавили на перо руля, и штурвал сам переключился в положение «лево на борт». И тут только я понял, почему механик завел сперва правый мотор. Катер стоял лагом к волне, правым бортом к берегу. При движении правый мотор помогал рулю выводить катер носом против волны.

Механик с ходу завел второй мотор и занял свое место у пульта управления, а я стал к штурвалу. Мы уходили от губительного места.

Но теперь перед нами возник другой вопрос. Идти без экипажа в такую темень в заливчик и искать сейнер Кирпичева или другое удобное место для якорной стоянки было невозможно.

Каждую секунду перед катером мог вырасти борт стоящего корабля, а мы не смогли бы остановиться сразу, не налетев на кого-либо.

Я принял решение держаться до рассвета под моторами.

Выходя из бухты, мы увидели большое темное пятно. Я сначала принял его за мыс, но, подойдя ближе, разглядел, что это была канонерская лодка, стоявшая на якорях.

— Лукичев, а не попытаться ли нам стать к ней на бакштов? — спросил я. Ведь до утра нам может не хватить горючего.

— Давайте попробуем, — сказал механик. Но в голосе его чувствовалось сомнение. У него не было еще такого

случая, чтобы катер без мотористов, без верхней команды мог ошвартоваться или стать на бакштов к стоящему на рейде кораблю в такую погоду.

Мы распределили обязанности. Я должен был управлять катером и регулировать обороты моторов. Лукичев же, находясь в машинном отсеке, как только подойдем к канлодке, выключит муфты обоих моторов, выскочит на палубу и подаст бросательный конец на борт корабля. Все это надо было сделать быстро, пока катер будет гасить инерцию и его не отнесет волной.

Сначала подошли к борту и попросили разрешения ошвартоваться. Удерживая катер на безопасном расстоянии, передали на канлодку, в каком положении находимся, и получили «добро».

После этого подвели катер с подветренной стороны. Лукичев по сигналу выключил моторы, стремглав выскочил на палубу и бросил заранее приготовленный конец, прикрепленный к фалиню. Но маневр не удался. Катер уже отнесло в сторону. Сделали новый заход. И снова неудача.

Лукичев не успевал.

На канлодке увидели, как тяжело нам справляться с этой задачей, и пришли на помощь. При очередном подходе на катер полетело сразу три бросательных конца. Механику гораздо легче было поймать один из них, чем бросать самому.

Пока с канлодки выбирали фалинь, катер под моторами удерживался на близком расстоянии от борта. Когда достаточно крепкий бакштов был закреплен, мы облегченно вздохнули. Под широкой, кормой канлодки, прикрывающей катер от прямых ударов волн, было довольно спокойно.

Распределив оставшееся время до утра на вахты, мы коротали его, поочередно спускаясь обогреться и подсушиться в машинный отсек.

На сейнере всю ночь беспокоились о нашей судьбе. Думали, что двое на катере вряд ли благополучно перенесут эту штормовую ночь. Когда же мы целыми и невредимыми подошли утром к судну, все были удивлены и обрадованы.

Этот случай послужил нам серьезным уроком. Да и не только нам. В соединении развернулась дополнительная

подготовка экипажей, с тем чтобы достигнуть большей взаимозаменяемости личного состава. Перед боцманом была поставлена задача, чтобы он умел не только стрелять из пулемета и выпускать торпеды, но и завести моторы, в любую минуту заменить командира. Нижняя команда должна была уметь выполнять обязанности верхней команды.

В затруднительном положении оказался экипаж нашего катера и в другой раз, когда мы сопровождали караван судов, покидавших Одессу.

...Торпедные катера, сняв бойцов заградотряда, вышли из порта и вступили в охранение последнего каравана.

В наступающих сумерках фашистские самолеты стая за стаями налетали на горящий город, продолжая сбрасывать свой смертоносный груз. Некоторые из них преследовали уходившие суда, бомбили их и обстреливали из пушек и пулеметов.

Звено старшего лейтенанта Градусова сопровождало концевой транспорт «Большевик». Уже в темноте его атаковали торпедоносцы. Наши корабли открыли огонь. Но силы были слишком неравны. На одном из катеров выбыли из строя оба мотора, ранило командира. Горящий транспорт привлекал внимание фашистов, и они снова и снова заходили в атаку.

Для усиления охранения каравана были посланы катера нашей группы, находившиеся в то время в Ак-Мечети. На траверзе мыса Тарханкут мы догнали корабли и заняли свои места в охранном порядке.

Меня, как малоопытного молодого командира, поставили в середине. Транспорт шёл медленно. Мы маневрировали около них: то уходили вперед, то возвращались. Надо было напрягать все внимание, чтобы в темноте ночи не налететь на какой-нибудь корабль. А тут еще шторм. Огромные волны трепали катер, с шумом проносились через палубу. Колючие брызги залетали в рубку, били в лицо.

Шли долго, Но вот впереди показалось зарево, в небе засверкали вспышки, разноцветные трассирующие линии. Это противник бомбил Евпаторию. Потом опять все вокруг поглотила темнота.

По расчетам я полагал, что скоро ляжем на новый курс. Чтобы не потерять из виду транспорт, стал подворачивать к нему. Но что такое? Вращаю штурвал до отказа вправо,

а катер уходит в другую сторону. Может, волна его уведит? Вращаю влево — катер не меняет курса.

Оказалось, что штуртрос сорвался с барабана. Застопорили ход. Скрылся в ночи охраняемый нами транспорт, прошли мимо другие корабли, а мы никак не можем устранить повреждения.

— Боцман, — спрашиваю, — скоро?

— В нормальных условиях за двадцать минут сделали бы, а в шторм — кто его знает...

В тот момент я сразу не сообразил, что если не останавливать двигателя, а давать то меньше, то больше оборотов тому или другому мотору, то катер можно удерживать на нужном курсе и не упускать из виду транспорт.

Простояли больше часа. Тут я вспомнил, что находимся недалеко от берега. Приказал замерить глубину — и своевременно. Через несколько минут нас выбросило бы на берег.

В этот опасный момент вспомнил я и о возможности управления катером с помощью попеременной работы двигателей.

Завели моторы, развернули катер на юго-восток и пошли в открытое море, подальше от берега.

Вскоре снова легли в дрейф. К утру злополучный трос удалось намотать на барабан. До рассвета оставалось немного времени. Я разрешил команде отдохнуть, надеясь, что с рассветом определю местонахождение катера.

Шторм утихал. Пригревшись у мотора, я задремал. Вдруг слышу крик вахтенного:

— Справа по борту мина!

Я выскочил на палубу. Столкновение с миной казалось неизбежным. Еще три пять бросков волны — и от нас только обломки полетят.

— Заводи моторы! — закричал я не своим голосом.

Но тут обнаружилось, что, когда мы остановились, мотористы забыли перекрыть заслонки глушителей, и на большой волне вода залила их. К тому же в горячке перелили горючее из заливного бачка. Беда за бедой!..

Растерянность проходит быстро, когда возникает смертельная опасность и надо немедленно принимать решение. Я приказал боцману отпорным крюком отводить мину на корму, а сам с электриком Михейкиным сел на

консоли. Когда боцман подвел мину к нам, мы осторожно, целясь между рожками, ногами стали отталкивать ее от катера. оттолкнем, а волна ее к нам опять подбросит. Снова отпихнем, она опять тут как тут. К счастью, катер несло быстрее и вскоре мина осталась позади. Глянул я на Михейкина, а лицо у него белое-белое.

«Ну, — думаю, — у меня, наверное, не лучше». Спустили через краники из глушителей воду, прокрутили стартером моторы, излишек бензина испарился, катер получил ход.

Избавясь от опасного соседа, я стал думать о дальнейшем. Где же мы находимся? Кругом вода и вода. Спустился в машинный отсек, чтобы посмотреть на карту и: разобратся в обстановке, но тут же был вызван наверх боцманом:

— Вижу берег!

Далеко на горизонте виднелись высокие горы. Из-за пасмурной погоды показалось, что они разделены проливом. Такого очертания я никак не мог узнать, хотя и старался припомнить все, что изучал по логиям. «Что же это за берег?» — подумал я.

— Может быть, это Босфор? — предположил Михейкин.

«Босфор?! Может ли быть? Правда, вчера мы более часа шли в море. Могло сильно снести и во время дрейфа, — принялся рассуждать я. — Но нет, Босфор должен находиться в другой стороне». Проверил компас.

Исправен.

Пошли малым ходом, приблизились к отлогому берегу.

Но что это? Вдали явственно виднелись юрты.

Тут же ложусь на обратный курс — и снова в море, подальше от беды. В это время боцман доложил:

— Правый борт 160, вижу корабль!

«Еще этого не доставало!» — встревожился я. Но вскоре распознал в нем нашу канлодку типа «Красный Аджаристан». На одной из таких командиром артиллерийского подразделения плавал мой однокурсник лейтенант Хаявко.

Недолго думая, даю полный ход — и к канлодке. Но пыл наш был сразу остужен. Как только поднялся у нас за кормой высокий бурун, стволы главного калибра канлодки начали разворачиваться в нашу сторону. «Черт его знает, что за катер и чего он тут болтается», — очевидно, подумали там. И на всякий случай взяли нас на прицел.

Я сразу же уменьшил ход до самого малого и приказал дать опознавательные. В воздух взвились ракеты.

Уклоняясь за корму канлодки, я приказал боцману семафором запросить, куда она следует. Приняв наш семафор, на канлодке подумали, что мы один из дозорных катеров, поэтому сразу же ответили, что следуют из Тендры в Севастополь. Теперь все стало ясно, мы ориентировались. Я дал полный ход и пошел к базе.

Вскоре мы увидели Евпаторийский маяк, а слева за траверзом тот же песчаный берег и злополучные «юрты» — это были кучи соли на соляных промыслах.

Шли дни, недели, месяцы. В период обороны Севастополя мы сопровождали корабли, доставляющие подкрепление и боеприпасы в осажденный город, конвоировали транспорты с эвакуируемым населением и ранеными, отбивая непрерывные атаки вражеских самолетов. И с каждым днем сильнее закалялась наша воля, вырабатывались боевые качества, обретался опыт.

Затем нас перебазировали на Кавказское побережье. Отсюда мы совершали далекие многочасовые переходы к берегам, занятым противником, и на вражеские коммуникации.

В моем командирском становлении особенно большую роль сыграл Константин Георгиевич Кочиев, командовавший тогда отрядом катеров и удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза.

Первая моя встреча с Кочиевым произошла в порту, куда наш катер пришел на ремонт.

На причале я увидел смуглого офицера атлетического сложения, с суровым, как будто постоянно сердитым лицом.

Правда, мое первое впечатление оказалось обманчивым. Под внешней суровостью Кочиева скрывались доброта и сердечная внимательность к людям.

Наш катер передавался в его отряд.

Выслушав мое представление, Константин Георгиевич задал несколько вопросов и пожелал сразу познакомиться с личным составом, осмотреть материальную часть корабля.

С этого дня началась моя совместная служба с Кочиевым, а в дальнейшем и крепкая боевая дружба.

Константин Кочиев, или, как мы звали его между собой, Коста, тоже с детства мечтал стать моряком. Закон-

чив Военно-морское училище им. Фрунзе в Ленинграде, он получил назначение на Черное море, в отряд экспериментальных катеров. Это было как раз по его характеру, твердому, настойчивому, пытливому. Испытывая катера, он закреплял теоретические знания, приобретал ценные мореходные навыки. Войну Коста встретил уже опытным командиром.

Обучая и воспитывая нас, молодых командиров, Кочиев стремился привить нам такие командирские качества, как смелость и решительность, стойкость и упорство, разумную инициативу, высокую требовательность не только к подчиненным, но и к самим себе.

— Но это еще не все, — часто говорил нам Коста. — Надо иметь хорошо сплоченный, хорошо обученный, умеющий действовать в любых условиях, дружный экипаж. Надо любить и уважать своих подчиненных, постоянно заботиться о них. Тогда и они будут ценить вас, легко понимать и энергично выполнять все ваши приказания.

Сам Константин Кочиев заботой о подчиненных, справедливой требовательностью и особенно личной отвагой снискал себе всеобщую любовь и уважение среди черноморцев.

Помню такой случай. Выполняя боевое задание, катер, на котором находился Кочиев, подорвался на вражеской мине. Взрывом контуженного командира отряда выбросило за борт, и в тот же миг на помощь ему в холодную декабрьскую воду прыгнуло несколько человек.

Под командованием Константина Кочиева наш отряд торпедных катеров провел немало боевых операций, потопил много вражеских кораблей, нанес фашистским захватчикам большой урон.

НОЧНЫЕ УДАРЫ

Наступил 1943 год. Фашистское командование, стремясь помочь своим войскам, разбитым под Орджоникидзе и бегущим через Кубанские степи к Керченскому проливу, прилагало все силы, чтобы защитить их от удара во фланг. Оно подбрасывало сухопутными и морскими путями подкрепление из Крыма, создало мощную линию обороны на побережье Цемесской бухты. В Новороссийске враг соорудил на каждом перекрестке, на каждой улице доты, превратив город в неприступную крепость.

Но наше командование поставило перед Черноморским флотом и Приморской армией задачу: овладеть городом и портом Новороссийск, чтобы создать плацдарм для флангового удара советских войск по отступающим фашистским армиям.

В феврале был высажен тактический десант в долину Озерейка и на Мысхако. Этот клочок земли, на котором сначала находился лишь батальон майора Куникова, получил название Малая земля. Новый плацдарм не давал покоя противнику. Наши десантники контролировали вход в Цемесскую бухту, и фашисты не могли использовать порт для переброски подкрепления.

Обеспечивали Малую землю корабли, базировавшиеся вблизи Новороссийска. Группа состояла из катеров-охотников, торпедных катеров, мотоботов и сейнеров. Они должны были снабжать десантников боеприпасами, техникой, продовольствием, доставлять подкрепление и вывозить раненых.

Фашисты всячески старались помешать нам.

Однажды, когда мы вышли в очередной дозор, вражеские катера всю ночь упорно пытались прорваться на наши коммуникации. Сначала они все сразу ринулись на охранение, но, получив отпор, рассыпались на группки и начали атаковать с разных сторон.

Я нес дозор в паре с Виктором Сухоруковым. Наш участок находился ближе всего к причалам Малой земли, где производилась разгрузка и погрузка судов. Сюда и направил в эту ночь свой основной удар противник.

Два фашистских катера на полном ходу набросились на нас, стреляя из пулеметов и пушек. Но стоило Сухорукову врезаться между ними, а мне выйти с фланга, как они кинулись в разные стороны и скрылись в темноте.

Враг пошел на хитрость. В то время как два катера, еще издали открыв огонь, начали атаковать нас с моря, пытаясь отвлечь наше внимание, два других стали подкрадываться под самым берегом, пробираясь через линию охранения к причалам. Но мы не дремали. План ночного дозора разработан был четко. Когда катер Сухорукова открыл огонь по атакующим с моря, мой командир отделения электриков Петрунин, наблюдая в своем секторе, громко крикнул: — Справа 160, у самого берега вижу два катера противника!

Я сразу же повернул им навстречу. С берега заговорили минометы. Враг попал под огонь с двух сторон. Осыпаемые осколками мин, поливаемые очередями наших пулеметов, катера фашистов, чуть не протаранив в суматохе друг друга, повернули обратно и на полном ходу ушли в море.

Нам пришлось отбить еще несколько следовавших одна за другой атак. Потом враг начал нападать на другом конце линии охранения, а к двум часам ночи, перед уходом, произвел еще ряд безуспешных попыток прорваться на нашем участке. За ночь мы отбили одиннадцать атак противника.

Через несколько дней недалеко от входа в Геленджикскую бухту мы снова встретились с катерами противника. На этот раз наш экипаж действовал совместно с катером, которым командовал старший лейтенант Келин.

Получив задание, мы вышли в назначенное место и начали вести наблюдение.

Ночные дозоры утомляли экипажи катеров до такой степени, что не хватало сил бороться со сном.

Катера стояли в точках с заглушенными моторами. Машинная команда находилась на своих местах в отсеке, готовая в любую минуту дать кораблю ход. Люди из верхней команды располагались на рубке, прислонившись спинами друг к другу, и вели наблюдение каждый в своем секторе.

Радист, вращая рукоятку диапазона волн, «разгуливал» по эфиру. От его чуткого слуха не ускользали никакие звуки. А их в эфире множество. В то же время он постоянно держал связь и с базой и с самолетами — ночными разведчиками, баражировавшими над морем.

Около полуночи до нас донесся шум моторов. Темнота была такая, что я не мог различить даже катер Келина, стоящий рядом с нами.

Но механик — главный старшина Ченчик — доложил, что, судя по звуку, это шум дизеля.

У меня были все основания предположить, что по соседству с нами находится вражеская подводная лодка, производящая поиск наших кораблей или всплывавшая на поверхность для подзарядки аккумуляторов. Догадка моя могла быть верной и потому, что, еще выходя на задание, мы были предупреждены о появлении подводных лодок противника у наших берегов.

Принимаем решение — сблизиться и торпедировать врага. Подаю команды. Моторы заводим под глушителями. Расчет у нас такой: пройти небольшую дистанцию, остановиться и прислушаться. Если услышим противника где-то совсем рядом, то, подправив курс, сразу же атаковать. Если же он тоже заглушит моторы, тогда выжидать его, пока он первым не обнаружит себя.

Мы внимательно всматривались в темноту. Когда время истекло — заглушили моторы. И надо же так совпасть! В эту минуту совсем рядом, метрах в 40–50, проработав две–три секунды позже наших, были заглушены чужие моторы. Мы оказались в выгодном положении. Сомнений не было: это были те дизеля, шум которых мы обнаружили ранее. Я отдал команду и приготовился выпустить туда обе торпеды. Но в этот момент из темноты донеслись голоса и мы услышали разговор переключавшихся между собой фашистов.

Наш механик, владевший немецким языком, перевел Мне, о чем говорили гитлеровцы.

«В такую темную ночь трудно найти советские суда, но сами вполне можем нарваться на дозор», — говорил один.

«У самого берега большие глубины, пойдем туда и будем ждать восхода луны», — сказал другой.

Оказалось, что это были два фашистских торпедных катера. Выпускать в темноте наобум по ним торпеды было нецелесообразно. Поэтому мы вызвали самолеты МБР-2, навели их на противника и стали выпускать в сторону вражеских катеров ракеты, стрелять по ним из пулеметов. Гитлеровцы попытались скрыться, но не успели. Наши летчики атаковали их, и две серии выпущенных с самолетов реактивных снарядов решили судьбу фашистских катеров и их экипажей.

В таких стычках быстро летело время. Выходя к Малой земле вечером, мы возвращались в базу только с рассветом. Днем охрану несла наша авиация.

Катера поочередно подходили к пирсу для заправки горючим и воздухом, пополняли израсходованный за ночь боеприпас, заделывали пробоины. Во второй половине дня обедали, производили уборку и, только закончив всю подготовку, ставили катера на якоря, рассредоточив их по бухте, и отдыхали. А ночью опять в дозор.

Но кроме того, что мы охраняли подступы к Малой земле со стороны моря и наносили удары по врагу на его коммуникациях, нам приходилось ставить мины. Дело это для катерников сложное, сопряженное с большими трудностями. Поэтому при постановке мин случались у нас неудачи и иногда с тяжелыми последствиями.

Произошел неприятный случай, правда без роковых последствий, и на нашем катере.

Впрочем, из всех ошибок и промахов, которые случались у нас во время войны, мы извлекали для себя уроки, учились на них уму-разуму.

На этот раз уроки пришлось извлекать молодому матросу Авдеенко. Временно он выполнял обязанности боцмана.

...Ночью мы вышли на минирование Керченского пролива. Шли осторожно, внимательно всматриваясь в темноту, чтобы не наскочить на прибрежные камни.

Вскоре слабый ветер стал доносить запах водорослей, выброшенных на берег, напоминающий запах прелого сена, — верный признак близости суши. И, действительно, через несколько минут впереди смутно обрисовались очертания берега.

Теперь надо было соблюдать еще большую осторожность, полную тишину, чтобы нас не обнаружил враг. От скрытности наших действий зависел успех выполнения боевого задания.

С флагмана, находившегося где-то поблизости, передали по радио сигнал о начале постановки мин. Катера разошлись в разные стороны.

Боцман доложил мне о готовности боевого поста. Уточнив еще раз местонахождение катера, я приказал:

— Мины ставить!

Одна за другой следовали негромко команды:

— Правая!

— Есть, правая! — доносилось с кормы, и в воду плюхалась мина.

— Левая!

— Есть, левая! И опять:

— Правая!

— Левая!

— Правая!

— Левая!..

И вдруг очередная команда оборвалась на полуслове.

С кормы донесся взволнованный голос:

— Человек за бортом!

Я приказал застопорить моторы. Катер остановился в нескольких десятках метров от того места, где упала в воду последняя мина.

Всмотревшись, я увидел, что невдалеке плывет человек. Оказалось, что одна из сходявших по рельсам мин, зацепила своим рогом карман брюк Авдеенко и уволокла матроса с собой в воду.

Вглядываясь в темноту, я различил фигуру плывущего человека, приказал включить моторы враздрай и развернул катер навстречу боцману. Через минуту он поднялся на борт, и мы с удивлением заметили в руке у него гаечный ключ, которым он отдавал крепление мин.

Кто-то из Матросов засмеялся:

— Смотрите, наш боцман и инструмент с собой прихватил, видно, потопленные фашистские корабли чинить на дне моря собрался!..

Но я строго оборвал «остряка». Авдеенко проявил большое присутствие духа. Очутившись за бортом в холодной воде, он не закричал о помощи, чтобы не привлечь внимания противника. Он даже поплыл прочь от берега, рискуя затеряться в окутанном темнотой море, но не быть обнаруженным врагом.

Обогреваться боцман отказался и, наскоро сделав несколько глотков из фляги со спиртом, доложил:

— Боевой пост к продолжению постановки мин готов! В ночной тишине снова слышались команды:

— Правая! Левая!..

А некоторое время спустя, в декабре, Авдеенко еще раз оказался за бортом, но уже при иных обстоятельствах и по своей доброй воле.

Это произошло на другом корабле, во время высадки десанта в Камыш-Бурун. Подойдя к берегу, катер попал на мелководье, заросшее водорослями, отчего засорились сосуны и моторы остановились. Гитлеровцы открыли губительный огонь по катеру, потерявшему ход, среди десантников появились раненые.

В этот опасный момент Авдеенко, не задумываясь, прыгнул в ледяную воду и быстро очистил сосуны. Моторы заработали, катер вышел из зоны огня и направился за другой партией десантников.

Когда на Таманском полуострове наступила весенняя распутица, сообщение морем между Керчью и Анапой усилилось. Почти ежедневно здесь проходили вражеские десантные суда в охранении военных кораблей. Катерам нашей группы прибавилось работы. Теперь мы поочередно выходили встречать вражеские караваны.

Так, вечером 20 апреля авиаразведка подтвердила выход из Керчи двух транспортных судов и малых кораблей охранения.

Мы только что пополнили горючее и боеприпасы. Личный состав расположился на отдых. Я прилег у носовой мачты, подложив под бок пробковый пояс, и сразу же уснул. Вот уже три ночи подряд наш катер нес дозорную службу у Мысхако.

Разбудил меня негромкий стук. У борта катера в резиновой лодке стоял командир звена Николай Тарасов, а сидевший краснофлотец тихонько постукивал веслом по планширу.

— Вставай, — сказал Тарасов, — командир отряда вызывает.

Захватив планшет с картами, я спрыгнул в лодку, и мы пошли к берегу.

Уже спустились сумерки. Легкий ветерок поднял в бухте небольшую зыбь.

— С добрым утром. Как спалось? — с улыбкой встретил нас Кочиев. Он знал, что нарушил наш непродолжительный отдых.

Разъяснив задание и отдав приказ на поход, поиск и атаку, он спросил, как чувствует себя личный состав и была ли горячая пища, успели ли отдохнуть. Хотя сам прекрасно знал, что командирам и краснофлотцам в эти напряженные дни охраны Малой земли не до обедов и не до отдыха. Достаточно было урвать для сна три-четыре часа, а поесть и в море можно. Мы не забывали о том, что идет третий год войны и советский народ, переживая тяжкие лишения, напрягает все силы, чтобы у нас, воинов, было все необходимое.

Спрашивал нас Коста для того, чтобы еще раз убедиться, как мы, командиры, заботимся о подчиненных. Сам он уже пятые сутки каждую ночь уходил в море и вряд ли за это время проспал более десяти часов. С осунувшимся лицом, с темными кругами под глазами, но всегда чисто выбритый и опрятный, он старался выглядеть бодрым и веселым. «Ничего, после войны отоспимся», — шутил он.

— На случай плохой видимости держитесь плотнее, — сказал мне на прощание Кочиев, — а если потеряетесь в пути, встретимся вот здесь, — и он указал точку на карте.

Кочиев шел на головном катере Тарасова, я был ведомым.

— Вопросы есть? Все понятно? — спросил Кочиев и встал из-за стола. — Нет? Тогда в добрый час!

Спускаясь с высокого берега к бухте, мы увидели, как краснофлотец замахал семафорными флажками. Полетело приказание: «Катерам Тарасова и Черцова готовиться к выходу».

Через минуту все пришло в движение. Послышались хлопки опробуемых моторов, завращались турели, по палубам забегали матросы. В последний раз проверяли готовность своих боевых постов.

Едва я вылез из шлюпки, доставившей меня на катер, и взобрался на борт, как на головном взвился флаг — белая косичка с красным шаром в середине: командир звена приказывал сняться с якоря и следовать за ним.

Мы шли на запад. Там, где огненный диск солнца опустился за горизонт, над морем нависла серая плотная туча. Она с каждой минутой росла и росла, надвигаясь на нас.

Я неотрывно следил за головным катером. Командир отряда сидел на рубке и смотрел вперед. Он видел надвигающуюся мглу, но беспокойства не проявлял. Значит, опасности нет. Если бы надвигался шторм, Кочиев предупредил бы, он хорошо разбирался в капризах морской стихии.

Не прошло и получаса, как перед нами встала плотная серая стена тумана, закрыв собой почти весь горизонт. Еще мгновение — и катер Тарасова исчез из виду.

Несмотря на то, что мы давно подтянулись почти вплотную и наш катер чуть не касался консолей головного, я видел только его слабо мерцавший кильватерный огонек. Чтобы не оторваться, боцман Панин вышел к носовой мачте и вытянутой рукой показывал мне направление на этот часто исчезающий огонек.

Так в сплошной мгле мы шли около двух с лишним часов. Одежда отсырела, устали от напряжения глаза.

«По времени пора бы остановиться, — подумал я, — скоро должен быть берег».

И тут кильватерный огонь стал ярче, приблизился к нам. Уменьшил ход и я. Дальше продвигались скачками. Пройдем немного, застопорим моторы, осмотримся, замерим глубину, потом опять пройдем немного.

Но вот над нами посветлело, показался кусочек усеянного звездами неба. Вверху ясно, а кругом туман, катера словно в колодце. Постепенно посветлело и вокруг. В нескольких милях показался берег — мыс Железный Рог.

Надо иметь большой опыт и штурманское чутье, чтобы в сплошном тумане по простейшему компасу и часам привести с такой точностью катера в заданную точку. Кочиев

обладал таким опытом. Он приобрел его в частых походах. Не было случая, чтобы хоть один катер из его отряда уходил в море, а он оставался на берегу»

Уточнив место, мы легли на курс, идущий вдоль берега к Анапе. Маневр для меня был понятным. Если противник успел проскочить место, куда мы вышли, то мы его догоним, а если не успел — встретим на обратном курсе.

Миновали банку Марии Магдалины. Поднялась луна, но береговая черта была затянута мглой. Мой катер шел ближе к берегу.

Мы уже находились в районе Верхнего Джемене. Вдалеке, в дымке, освещенная луной, показалась Анапа.

«Пора ложиться на обратный курс», — подумал я. Но головной продолжал идти вперед. В это время Петрунин доложил:

— Слева на траверзе, у самого берега, два силуэта!

Я увидел две самоходные баржи. Впереди них еще два силуэта, но значительно меньшие — корабли охранения.

Кочиев не заметил их и проскочил. Догонять его или сообщать по радио не было времени. Не раздумывая, я лег на боевой курс. Но выбранная для атаки баржа оказалась так близко, что катер почти уперся носом в ее борт. На таком коротком расстоянии выпускать торпеду нельзя. Пришлось отвернуть и выстрелить по другой барже. Взрыв торпеды приподнял судно и разломил его надвое. Стоявшие на палубе пушки и танки полетели в воду.

Но дистанция атаки на этот раз была настолько мала, что мы не успели отойти и взрывная волна, заставшая нас на циркуляции, отразилась на винтах и заглушила моторы.

С уцелевшей баржи открыли огонь из всех огневых точек. Даже танки, стоявшие на палубе, из башенных пулеметов окатили катер ливнем пуль. Корабли охранения кинулись к нам.

Моторы удалось завести быстро — один сжатым воздухом из баллона, другой с ходу. Пользуясь преимуществом в скорости, мы оторвались от своих преследователей и ушли в море. Однако в корпусе оказалось несколько незначительных пробоин, и два матроса были ранены.

Вскоре слева по борту мы увидели догонявший нас силуэт. Оттуда подавали условный сигнал. Это был Кочиев.

Мичманы-выпускники Черноморского Высшего военно-морского училища (слева-направо): Анатолий Крылов, Андрей Черцов, Виктор Лопатин, Алексей Иванов

Торпедные катера в боевом походе

К. Г. Кочиев
командир отряда торпедных
катеров

Н. Ф. Ченчик
механик торпедного катера
№93

Иван Панин
боцман торпедного катера
№93

Николай Кузнецов
моторист торпедного катера
№93

Подойдя к нему, я доложил о произведенной атаке. Командир отряда приказал мне идти к месту, где была потоплена баржа и, отыскав там корабли противника, навязать бой, оттягивая их в море.

Мы вернулись назад и увидели, что катера охранения кружатся на месте, вылавливая что-то из воды. Боцман дал по ним длинную очередь из пулемета. Корабли противника сразу же бросили спасательные работы и кинулись к нам. Заговорили береговые батареи. Над катером с воём понеслись снаряды. Два прожектора схватили наш катер в перекрестье своих лучей. Пришлось бы туго, но в это время около Анапы раздался сильный взрыв. Столб огня взметнулся к небу. Это Николай Тарасов потопил вторую баржу. Прожекторы переметнули свои лучи в ту сторону. Туда же кинулись катера охранения. Пользуясь замешательством фашистов, мы вырвались из-под огня береговых батарей и ушли.

Через полчаса Анапский рейд с суетою и паникой, которую наделали два советских катера, остался далеко за кормой. Но долго еще мы наблюдали, как прожекторы снова своими лучами по поверхности моря, и слышали орудийные выстрелы.

Войска противника под Новороссийском не получили в эту ночь подкрепления.

У наших кавказских берегов на коммуникациях ночами все чаще стали появляться фашистские торпедные катера и подводные лодки. Они пытались нападать на советские корабли и базы.

Однажды ночью несколько вражеских катеров подошли к порту Туапсе. Увидев силуэты кораблей, гитлеровцы с большой дистанции выпустили торпеды. Но фашисты побоялись подойти ближе, и поэтому торпеды попали не в корабли, стоявшие в бухте, а в стенки молов и прибрежные камни.

Наблюдая взрывы торпед, фашисты радировали в базу о «потоплении» больших советских кораблей. Потом, когда в 1944 году мы пришли в Ялту, жители рассказывали, как фашистское командование торжественно встречало свои катера, вернувшиеся из этого похода, как вручали командирам «железные кресты» за мнимую победу.

После этого эпизода наше командование решило нанести ответные удары по базам противника.

Ночью два торпедных катера лейтенантов Турина и Чепика под общим командованием Кочиева внезапно появились у входа в Ялтинскую бухту. Когда они вошли в полосу, где густела прибрежная дымка, Кочиев заметил шедшие к мысу Ай-Тодор два сторожевика противника.

Коста еще в базе весь день просидел над картой, анализируя возможные варианты атаки и отражения их фашистами. Слушая его доклад, адмирал сказал:

— Вы, Кочиев, словно не нападать на Ялту собираетесь, а защищать ее от своей же атаки. Кочиев улыбнулся:

— Надо предусмотреть все возможные «сюрпризы» противника, товарищ адмирал.

Поэтому, когда фашистские сторожевые корабли дали опознавательные, Кочиев, ждавший этого, скомандовал:

— Дать ответ: тире, две точки, тире, точка, тире!

Боцман удивленно взглянул на командира: «ДК? Что за сигнал такой?» Но подумав, что старший лейтенант, наверное, знает пароль, не задерживаясь, передал его.

У противника здесь было большое движение, поэтому фашисты в утреннем тумане не рассмотрели как следует ответного сигнала и приняли наши катера за свои, возвращавшиеся с дозора.

И вот, пока катера противника скрывались за мыс Ай-Тодор, наши товарищи продолжали идти к выходу в порт.

Костя весело рассмеялся, заметив недоумение лейтенанта Чепика, на катере которого он шел.

— Я обозвал этого остолопа дураком. Что он, в самом деле? Не сумел в полумиле от себя опознать чужие катера! Но так как полностью передавать долго, я продиктовал первую и последнюю буквы слова «дурак».

На береговых постах фашисты тоже не встревожились, увидев, что катера со сторожевиками обменялись позывными и разошлись. Значит, порядок! Даже на маяке, стоявшем на конце мола, не обратили никакого внимания на приближавшиеся катера.

А Кочиев тем временем уверенно шел к цели.

«Раз не трогают, — думал он, — значит, считают за своих. А раз считают за своих, надо подойти поближе».

— Впереди, прямо по носу, вижу боны! — доложил боцман Меняйло.

Вход в порт был закрыт тяжелыми стальными сетями, подвешенными на круглых металлических шарах-буях. Один конец троса, соединяющего буи, был закреплен в стенке гранитной набережной, а другой — на корме большой самоходной баржи, ошвартованной у головы мола. Баржа открывала боны и в то же время служила складом боеприпасов.

Внутри бухты, вдоль высокого каменного мола, стояли друг за другом малые подводные лодки и торпедные катера. Но как их достать из-за заграждения?

Кочиев сам встал к штурвалу и подал команду;

— Правый аппарат, товсь! И через несколько секунд:

— Пли!

Плюхнувшись в воду, торпеда устремилась в центр баржи, закрывавшей вход в порт.

С берега замигали сигнальные фонари, запрашивая опознавательные. Взлетели разноцветные ракеты. На молу засуетились, забегали часовые и матросы с катеров и подводных лодок.

Но в это время раздался двойной взрыв: сначала нашей торпеды, а затем начиненной боеприпасами баржи. Обломки полетели на набережную, в окна и стены домов.

Загремели первые залпы береговых батарей.

Стальные сети, осев на дно, стянули в одну сторону боны. В образовавшуюся в заграждении брешь ринулись в атаку наши катера. Раздалось еще несколько взрывов. Порт окутался пылью и дымом. Во взбаламученной воде бухты плавали обломки, остатки фашистских катеров. У причала тонула расколотая надвое подводная лодка.

Вокруг уходящих советских катеров поднимались столбы воды от разрывов снарядов. Прямое попадание вывело из строя моторы катера лейтенанта Турина, в трюм стала поступать вода. Но моряки не растерялись. В один миг подвели пластырь, поставили щиты, вбили распорки. Два матроса встали к помпам на откачку воды. Командир отделения мотористов старшина 2-й статьи Комаров и моторист Пихтелев, не обращая внимания на кровь, струившуюся из ран, быстро осмотрели моторы. Убедившись, что один из них имел незначительные повреждения, приступили к их ликвидации

и через две-три минуты мотор заработал. Катер малым ходом стал отходить в море.

Лейтенант Чепик под бешеным огнем противника закрыл дымовой завесой подбитый катер и взял его на буксир.

Впоследствии, после освобождения Ялты, местные рыбаки — очевидцы дерзкого налета наших катеров под командованием Кочиева, подробно рассказали, что происходило в тот момент в ялтинском порту и в городе.

...Как только у входа в порт взорвалась торпеда, выпущенная с одного из советских катеров, гитлеровцы подняли тревогу. Началась беспорядочная стрельба. По катерам откуда-то открыли огонь из тяжелых пушек. Но фашистские артиллеристы стреляли неточно, и их снаряды летели не в бухту, а рвались на набережной, в районе рыбозавода, Морского вокзала и даже на базарной площади, где в это время скопилось большое количество войск и техники, только что прибывших из Румынии.

Фашистов, попавших под огонь своих же орудий, охватила паника. Машины стали поспешно выбираться на Симферопольское шоссе, сталкивались, переворачивались, образовали пробку. Солдаты, позабыв о всяком порядке, бросились бежать в Ущельное, прятались в развалины домов, как тараканы в щели. А в довершение всего с советских катеров вдруг с шумом полетели огненные стрелы. От их разрывов все начинало гореть, превращалось в пепел. И тогда среди обезумевших фашистов раздался вопль:

— «Катюша»!.. «Катюша»!..

Мы — ялтинцы, находившиеся в оккупации, впервые видели, как действуют советские реактивные снаряды, и не могли скрыть свою радость за успех смелого налета наших черноморских торпедных катеров.

Через несколько дней катера под руководством Кочиева снова совершили налет на Ялту и потопили два корабля противника.

Сильный ночной удар по врагу нанесли наши стремительные корабли и в порту Камыш-Бурун. Этот дерзкий налет был совершен под командованием капитана 3 ранга Довгай.

...С заходом солнца Камыш-Бурун оживал. Под покровом ночи сюда спешили из дальних портов гитлеровские транспорты. Боясь нашей авиации, они торопились разгрузиться и уйти обратно еще затемно.

Другие, более мелкие суда спешно принимали груз, чтобы доставить его за ночь гитлеровским частям на Таманский полуостров.

Но и темнота не спасала фашистов. Всю ночь над Камыш-Буруном — крупной перевалочной базой врага — стояло зарево и за много миль был слышен грохот бомб, сбрасываемых нашими самолетами. В воздухе взрывались снаряды зенитных батарей противника. Часто над портом вставал огромный столб огня и дыма — это удачно сброшенная бомба делала свое дело и в воздух взлетал очередной транспорт с боеприпасами, доставленными из румынских портов для кавказской группировки фашистов. Страшась прорыва советских катеров к порту Камыш-Бурун, гитлеровцы установили на берегу много батарей. Каждый метр водного пространства пролива был пристрелян. Кроме того, то тут, то там из воды торчали мачты и даже полуобгоревшие остовы кораблей, потопленных за время ожесточенных боев в этом районе. Плавать здесь было опасно.

Но трудная обстановка не могла остановить советских моряков. В назначенное время старшие лейтенанты Кананадзе, Петров и Иванов, не замеченные противником, провели свои корабли в Керченский пролив и внезапно появились у входа в порт. Тщетно вражеские прожекторы с обоих берегов полосовали серую пелену тумана, висевшего над проливом. Наши самолеты, отвлекая внимание противника от катеров, волна за волной налетали на порт, уничтожая прожекторы и огневые точки.

Отважные катерники ворвались в порт и увидели у причалов до десятка различных кораблей. Быстро выбрав цели, они дали залп и легли на обратный курс. Взрывы торпед смешались со взрывами авиабомб.

Так как группа капитана 3 ранга Довгай действовала далеко от места базирования, для нее было важно иметь бесперебойную связь. Обеспечение радиосвязи с Довгаем возложили на меня.

Помню, мы снялись с якоря на закате солнца.

Море, чуть-чуть подернутое мелкой зыбью, казалось бирюзовым. Вдали на горизонте четко вырисовывались катера основной группы. Слева, навстречу нам, прижимаясь к обрывистому берегу, спешил в бухту военный транспорт. Поднимая за кормой пенистые буруны, вокруг него ходили морские охотники за подводными лодками — настоящие морские труженики. День и ночь они в море. Еще не успеет ошвартоваться в бухте приведенный ими транспорт, как они уже у пирса. Только заправятся, с поста СНИС уже летит семафор: «Командиру явиться за получением задания, катера готовить к походу».

И не проходит часа, как они уже снова прочесывают подход к бухте, приняв под свою охрану вышедший другой транспорт. А в море сражаются с вражескими катерами, забрасывают глубинными бомбами обнаруженную подводную лодку...

Разминувшись с конвоем, мы резко увеличили скорость.

— Усилить наблюдение, — приказал я.

Ведь точка нашей стоянки находилась на курсах катеров противника, которые почти каждую ночь приходили «охотиться» на наши коммуникации. Вероятность встречи с противником была велика. Мы знали об этом и были готовы вступить в бой, но связи с основной группой не терять.

— Слева 15°... — вдруг тревожно доложил боцман, потом помолчал и выругался.

— Что там?

— Дельфин, будь он неладен, а я чуть было не принял его за перископ подводной лодки.

— Хамсичка идет, — мечтательно заметил механик Ченчик, — раз дельфин играет, значит, хамса здесь.

Рассекая своими острыми плавниками воду, наперерез катеру действительно шла стая дельфинов.

— Вот бы гранату в этот косячок, — слышалось из рубки. Это командир отделения мотористов Шаманский, услышав о появлении дельфинов, выскочил наверх якобы подышать свежим воздухом.

— Разговоры! Смотреть внимательнее! — приказал я.

Ночь спустилась над морем. Мы шли хорошо. Но за несколько миль до точки назначения неожиданно начал греться мотор.

Механик доложил:

— Гюрит краска.

Я приказал заглушить мотор. «Может быть, забился сун», — мелькнула мысль. Но нет, помпа работала исправно, забортная вода поступала нормально.

Осматривая мотор, Кузнецов увидел в трюме под ним масло. С трудом обнаружили в передней части картера трещину. Все стало ясно.

Что же делать? В море такое повреждение не устранишь. Возвращаться нельзя — надо во что бы то ни стало выполнить задание.

«Пойдем на одном моторе», — решил я и приказал:

— Старшина, подумайте вместе с мотористами, как дать полный ход, хотя бы на несколько минут, когда потребует.

Ведь бой торпедного катера так же скоротечен, как бой истребителя. Здесь все решает скорость. Вот поэтому, на случай встречи с противником, мне и нужна была работа обоих моторов, хотя бы на самое малое время.

Мотор не заклинило, он исправен. Если залить масло, а оно у нас есть в запасных банках, то двигатель снова будет работать. Но что делать с трещиной? Она в таком месте, что ни пробку, ни бандаж не поставишь.

«А что если обмотать руку ветошью да надеть резиновую перчатку? — мелькнула мысль у Кузнецова. — Тогда, лежа за мотором, пожалуй, можно удержать масло несколько минут».

Он рассказал об этом механику, тот доложил мне.

Объявив тут же благодарность мотористу за находчивость, я приказал приготовить запасное масло, а Кузнецову быть на «товсь».

В точку дошли на одном моторе, и всю ночь держали связь с катерами Довгая. Радист старшина 1-й статьи Полич четко выполнял свои обязанности.

На рассвете он получил последнюю радиограмму, в которой сообщалось, что катера, успешно выполнив задание, возвращаются. Нам было приказано идти в базу.

Вскоре мимо нас, белея бурунами, на полном ходу прошли катера основной группы и скрылись впереди. Наступал рассвет. Появилась опасность атаки с воздуха самолетами противника. Получив такой тяжелый удар в эту ночь, враг, безусловно, выслал истребители для перехвата наших возвращавшихся катеров.

Совсем рассвело. До берега оставалось несколько миль. Пятнадцать–двадцать минут полного хода, и мы под защитой береговых батарей.

Но тут боцман доложил:

— Слева на курсовом 50° идут два самолета противника.

Я передал команду:

— Подготовить левый мотор к запуску.

Быстро залили масло, и Кузнецов занял свое место.

Самолеты зашли в корму, засекли наш ход и курс и ринулись в атаку. Но не тут-то было. Взревев моторами, наш катер ринулся вперед и начал описывать циркуляцию. Истребители, стреляя из пушек и пулеметов, пронеслись мимо, а мы стремительно приближались к берегу.

Фашисты яростно кидались на нас. Они заходили с разных сторон: и с кормы, и с носа, и с обоих бортов то попарно, то в одиночку. Но маневр и скорость делали нас неуязвимыми.

Командир отделения мотористов коммунист Шаманский, находясь в машинном отделении, управлял работой обоих моторов. Он внимательно следил за стрелками тахометров, которые молниеносно изменяли свое положение; они то взлетали к красной черте, показывая предельные обороты моторов, то мгновенно падали вниз. Беспрестанно звенел машинный телеграф. Шаманский бросался к муфтам, переключал ход. Он понимал, что командир маневрирует под огнем, и старался как можно быстрее выполнять мои команды.

«Мессершмитты», озлобленные неуязвимостью катера, наседали на нас и так увлеклись атакой, что не заметили, как вокруг них стали вставать облачка разрывов. Это с берега заговорили зенитные пушки. Один истребитель задымил, отвалил с боевого курса и пошел над морем. За ним последовал и другой.

Из машинного отсека в рубку катера повалил дым, в клубах его выскочил Шаманский и доложил:

— Левый мотор горит, прошу разрешения заглушить. Все это время Николай Кузнецов лежал под мотором, закрывая щель. Через несколько минут стало жечь руку. Горячее масло просачивалось из-под ладони, пропитывало ветошь, проникало к телу. Боль становилась нестерпи-

мой. Его стало мутить. Мысли путались. Стиснув зубы, он твердил себе:

— Держись, держись!

От мотора несло жаром. Глаза заливало потом. Нечем было дышать. Николай почувствовал: еще мгновение — и он потеряет сознание. Коллектора мотора стали чернеть, заплясали языки пламени.

Словно во сне, Кузнецов услышал слова:

— Николай, вылезай!

А потом команду:

— По местам стоять, тушить пожар!

С помощью командира отделения Кузнецов вылез из-под мотора и тоже стал сбивать пламя.

Как ни старался Кузнецов удержать масло в моторе, изо всех сил зажимая трещину, оно все-таки ушло, и мотор, проработав в течение 10 минут, перегрелся. Но задача, поставленная перед мотористом, была выполнена. Преодолевая боль, невероятным усилием он сумел в критический момент обеспечить полный ход.

Таков был Николай Кузнецов. Да и другие были не хуже. Экипаж нашего «ТК-93», или, как его называли в соединении — «девятки», целиком состоял из комсомольцев. Многие из них в годы войны стали коммунистами.

На пирсе собрались боевые друзья. Они уже давно с волнением наблюдали за неравным боем и теперь радостно встречали нас.

Мотор заклинило, и он сгорел. Это вывело наш катер на некоторое время из строя. После ремонта мы снова приняли участие в боях в районе Керченского пролива.

ВАЛЬКА

Ремонтная база торпедных катеров находилась далеко от фронта, на самом берегу утопающего в субтропической зелени города Батуми. Когда появилась необходимость перебазирования катеров из Крыма на побережье Кавказа, первым сюда приехал инженер-капитан 2 ранга Гулим. Затем пришел теплоход «Львов» и ошвартовался у причала Морского вокзала. На нем прибыли рабочие мастерских со своими семьями. Причал напоминал собою раскинувшийся табор. Сгружали станки, ящики с оборудованием и груды ремонтных материалов. Но скоро причал опустел: люди разъехались по квартирам, а станки установили в длинных пакгаузах Морвокзала.

В новую ремонтную базу приходили катера для замены износившихся моторов, заделывания пробоин в корпусах, полученных в боях, и для текущего ремонта. Личный состав кораблей, нуждавшийся в лечении, размещался в госпиталях, расположенных в окрестностях города, в живописных местах Махинджаури, Кобулет, Чаквы. Здоровые матросы трудились вместе с рабочими, ускоряя ремонт своего катера, чтобы до предела сократить время пребывания в тылу и как можно скорее уйти на «север» — в район боевых действий.

Временные мастерские оборудованы были плохо. Приходилось выдумывать, изобретать, изыскивать пути быстрого ремонта. Но все делалось с большим усердием. Люди рвались в бой.

Вскоре для мастерских было найдено другое помещение, и в нем уже более основательно разместились моторный и механический цехи. Остальные пока оставались в пакгаузах.

Инженер-капитан 2 ранга Гулим, являясь флагманским механиком, не мог постоянно руководить ремонтом. Он выезжал в порты, где находились наши группы катеров. Некоторое время обязанности командира ремонтной базы исполнял старший техник-лейтенант Ольга Лаврентьевна Рукавицына.

Простая, скромная, но требовательная женщина, настоящий коммунист, она, не зная устали, отдавала все свои силы на общее дело. Ее можно было видеть и днем и ночью в цехах, на складах и катерах.

— Ольга Лаврентьевна, — бывало обращаешься к ней, — нет листа под кронштейн, где его взять?

— К вечеру лист будет, — отвечала она, и через несколько минут мы видели, как она ехала в авиамастерские или на аэродром и привозила необходимый лист.

С каждым днем ремонтная база наращивала темпы. Едва с катера успеют подать швартовы на берег, как начальник механических мастерских кричит с берега:

— Готовьте к съёмке моторы!

И кран уже нависал над катером.

По причалу спешил со своим подручным мастер корпусного цеха Григорий Вениаминович Пушин, волоча за собой длинный шланг пневматического молотка. Несмотря на преклонный возраст, он, был виртуозом своего дела.

С молотком в одной руке, с куском мела — в другой он обходил катер, только что поднятый на стенку, и отмечал, где что надо сделать и с чего начинать в первую очередь. С одного взгляда определял мастер, какой лист обшивки надо заменить, в каком вырезать только поврежденный кусок, где поставить заплату, заменить заклепки.

Еще боцман катера, со своими помощниками подбивает клинья под блоки, на которых поставлен катер, еще закрепляют его, а Григорий Вениаминович уже застрочил из своего «пулемета», срубая старые заклепки и удаляя поврежденные листы. И тут же спрашивает механика:

— Спешить с ремонтом?

— Спешу, — отвечает тот.

— Так готовь освещение под катером, а заодно и затемнение. Поработаю у вас немножко ночью.

А это немножко таково: на другой день, придя после завтрака из кубриков, где отдыхал личный состав, механик и командир видят, что возле их катера тихо, никто не работает. Досадуя, что ремонт затянется до вечера, подойдут, заглянут под брезент и видят: под катером, на пробковых поясах, зорюет Григорий Вениаминович со своим хлопчиком, да так сладко, что и будить жалко. Но будить надо. Поднявшись, Пушкин бодро докладывает, что корпусные работы закончены.

Оказывается, они полчаса назад закончили замену листов в днище катера. А по плану катер должен быть готов к спуску на воду только к вечеру. Работа сокращена на целый день. Командир благодарит, а Григорий Вениаминович собирает инструмент, и вот уже через несколько минут у другого катера раздается дробь пневматического молотка, вплетаясь в общий шум начавшегося рабочего дня.

А в другом месте, у здания бывшего Освода, слышатся голоса:

— Навались, дружно! Подкладывай! Еще раз! Навались!

Это мотористы совместно с рабочими под руководством начальника цеха Авраменко сгружают привезенные моторы.

Рядом на разные голоса поют токарные и сверлильные станки — хозяйство мастера механического цеха Андрея Даниловича Кузнецова.

Кипит работа и в порту. Здесь словно большой завод. Сверкают вспышки электросварок, слышатся тяжелые удары молота, визг дрелей, пение пил. На кораблях идет ремонт. Они меняют стволы пушек, износившиеся при обороне Севастополя. А у других причалов — катера, рыбацкие сейнеры, мотоботы.

В один из солнечных майских дней пришла на ремонт в базу и наша «девятка». К вечеру ее подняли из воды и поставили на блоки. Было воскресенье, команде разрешили уволиться в город.

Мы с механиком пошли за фруктами и орехами. Идем по набережной. Вдруг чувствую, что кто-то дергает меня за полу кителя. Обернулся. Вижу: паренек лет двенадцатитринадцати, босой, грязный, оборванный.

— Что тебе?

— Дяденька командир, возьмите меня на корабль.

— А родные есть?

— Папа командиром был, погиб на фронте, а маму на заводе при бомбежке убило.

Вспомнил я свое детство, как беспризорничал, чувствую: в горле запершило. Жаль мальчишку. Правда, теперь время другое — не пропадет, в детдом устроится. А может, все же его воспитанником взять хотя бы временно, пока на ремонте будем стоять?

— Что, механик, — говорю, — с мальчишкой делать будем?

— А чего с ним делать, — отвечает, — взять на катер, и весь разговор.

— А потом что?

— В школу юнгов устроим.

Так Валька попал в нашу дружную морскую семью.

Он каждый раз приходил на причал в строго определенное время, без опозданий. Первые дни сидел на пирсе возле катера и внимательно наблюдал за работами. Он не лез куда не следует, не мешал, боясь вызвать недовольство у приютивших его людей. Быстро выполнял просьбы команды, если его посылали в город купить папирос, воды или фруктов.

Завтрак, обед и ужин ему приносили из краснофлотской столовой наши матросы. Иногда мотористы водили его в городскую столовую, расположенную недалеко от набережной.

Мы заказали сапожнику перешить ботинки из моей запасной пары. А жену одного из наших краснофлотцев попросили сшить брюки и форму. Бескозырку подобрали у баталера. До этого Валька ходил в комбинезоне Кузнецова, путаясь в широких штанинах.

Когда форма была готова, Вальку сводили в парикмахерскую, наголо остригли, а затем Кузнецов и Шаманский повели его в баню, где и подрали «с песочком», пофлотски.

На катере Вальку ожидала такая же маленькая, подогнанная под его рост рабочая одежда. Ночевать его определили в семью одного рабочего, жившего недалеко от базы.

Теперь около нашего катера каждое утро стал появляться заправский морячок, который ростом был любому краснофлотцу по грудь, а иному даже по пояс.

Как-то механик подозвал к себе Вальку и добродушно сказал:

— Вот что, юнга, хватит даром хлеб есть. Надо учиться к ремеслу. Коли захотел стать моряком, начинай моряцкую жизнь с самого начала. Одевай робу, бери ведро, ведерко и давай «огребать полундру». Ты маленький, как клоп, пролезешь везде. Давай под мотор и выбирай из трюма воду.

Валька обрадовался поручению. Не взошел, а взлетел по трапу на катер и исчез в машинном отсеке. Вскоре его увидели, измазанного соляжкой, но счастливого, с сияющими глазами, с ведерком в руке шагающим к месту, где сливалась грязная вода.

Потом он получил новое задание — до блеска надраить медные части. С этого дня Валька стал почти равноправным членом экипажа.

Вечером, ложась спать, он говорил хозяину квартиры:

— Дяденька, вы меня разбудите, пожалуйста, пораньше, а то, чего доброго, могу проспять и опоздать на службу...

Но будить его не приходилось. Мальчишеское любопытство и усердие поднимали его чуть свет и влекли на причал. Там он тихо сидел где-нибудь в уголке и дожидался часа, когда явится экипаж и можно будет идти на катер.

Шагая на «службу» по набережной, он лихо сдвигал на затылок бескозырку, на ленте которой было написано: «Торпедные катера», гордо выпячивал грудь: ведь он теперь не какой-то мальчишка с улицы, а юнга торпедников.

Надо было видеть, сколько было у него радости, когда в следующее воскресенье краснофлотцы, уволившиеся на берег, взяли его с собой. Валька, казалось, не шел по тротуару, а летел по воздуху. Еще с утра он усердно драил сушкой ботинки.

— Чтоб в них свой нос видел, — говорил ему боцман, напутствуя в первое увольнение.

С любопытством и вниманием смотрел он на Кузнецова, который гладил его брюки и форменку.

А механик шутливо ворчал:

— Чтоб это было в первый и последний раз. Учись.

В следующий раз сам будешь гладить. Каждый моряк следит за своей формой. Она всегда должна быть чистой и опрятной. Складки брюк чтоб резали воздух. Иначе ты не моряк военного флота, а рыбак с какой-нибудь фелюги.

Так Валька жил и трудился вместе с нами. Время шло. Ремонт подходил к концу. Все на катере были заняты. Каждый делал свое дело. На Вальку стали обращать меньше внимания, почти перестали давать поручения, так как подходящей работы для него уже не находилось. Валька это понимал.

Закончились внутренние работы, установлено на место оружие, принят боеприпас, горючее. Катер стоял у стенки, поблескивая своими свежевыкрашенными бортами.

Все серьезнее задумывался Валька о своей судьбе. Приближался последний день его морской жизни. Катер уйдет воевать, а его оставят здесь, отдадут в школу юнгов.

«А разве можно» сейчас сидеть за партой и учиться, — думал он, — когда кругом грохочет война. Ведь я поклялся отомстить собственными руками за папу и маму». Чувствовали близость разлуки и наши моряки. Мы все полюбили Вальку, сообразительного, трудолюбивого и веселого мальчишку, привыкли к нему.

Беспокоила дальнейшая судьба мальчика. Что с ним будет после нашего ухода? Каждый понимал, что удержать его в стенах школы очень трудно: в такое время все ребята его возраста стремятся на войну. Мы знали, что он все равно убежит оттуда и будет добиваться своего. Катер уйдет, а он снова начнет искать новое пристанище, переживая тягости беспризорной жизни, пока опять не встретит моряков, которые приютят его.

Поэтому мы решили взять Вальку с собой и просить разрешения у командования держать его воспитанником. Когда мы пойдем на задание, он будет оставаться на берегу.

И вот настал день отплытия. Краска уже высохла. Три красные звезды ярко алели с трех сторон рубки. Их нарисовали молодые строители-комсомольцы.

На причале собрались матросы и командиры с других ремонтирующихся катеров, рабочие мастерских. Все желали экипажу боевых удач, счастливого плавания.

Ольга Лаврентьевна Рукавицына, Андрей Данилович Кузнецов, Григорий Вениаминович Путин и другие с любовью смотрели на красавец катер и с гордостью думали, что в предстоящих его победах будет доля и их труда. Они с любовью провожали катер и экипаж, как провожает мать еще одного сына на фронт, на защиту Родины.

Валька со слезами на глазах стоял в сторонке, и, когда наступили минуты прощания, я подошел к нему:

— Ну, Валька...

Но, не дав мне промолвить и слова, он, заливаясь слезами, сказал:

— Товарищ командир, большое спасибо вам за все, что вы для меня сделали. Но как только катер отойдет от причала, так и я в воду...

— Эх ты, моряк! Слезы лить стал и решение неважное принял, — улыбнулся я. — Кому ты сделаешь хуже, что утонуешь?! Я думал, что ты пойдешь учиться, а потом придешь к нам настоящим моряком, командиром! А ты... А ну забирай свой узелок — и на катер!

Валька стремглав метнулся куда-то за угол и через минуту уже стоял на борту катера со своими пожитками.

Зарокотали моторы, отданы швартовы. Пятясь задним ходом, «девятка» развернулась и, набирая скорость, стала выходить из бухты.

На пирсе махали руками провожающие. Катер, выскочив почти всем корпусом из воды, поднял за кормой большой бурун и стрелой понесся на север.

— Держись, Валька! — крикнул боцман.

Но Валька не слышал его слов. Он уцепился за поручни, из-под ног ускользала палуба. Ветер бил в лицо. Валька раскрыл рот и хватал воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— Э, брат морячина, так и за бортом как дважды два будешь, — сказал боцман и, взяв мальчика за плечи, втянул его в рубку. — А ну лезь сюда.

Здесь давление воздуха было меньше, дышать легче. Валька, постепенно привыкая, успокоился и стал осматриваться. Все были заняты своим делом, и никто не обращал на него внимания.

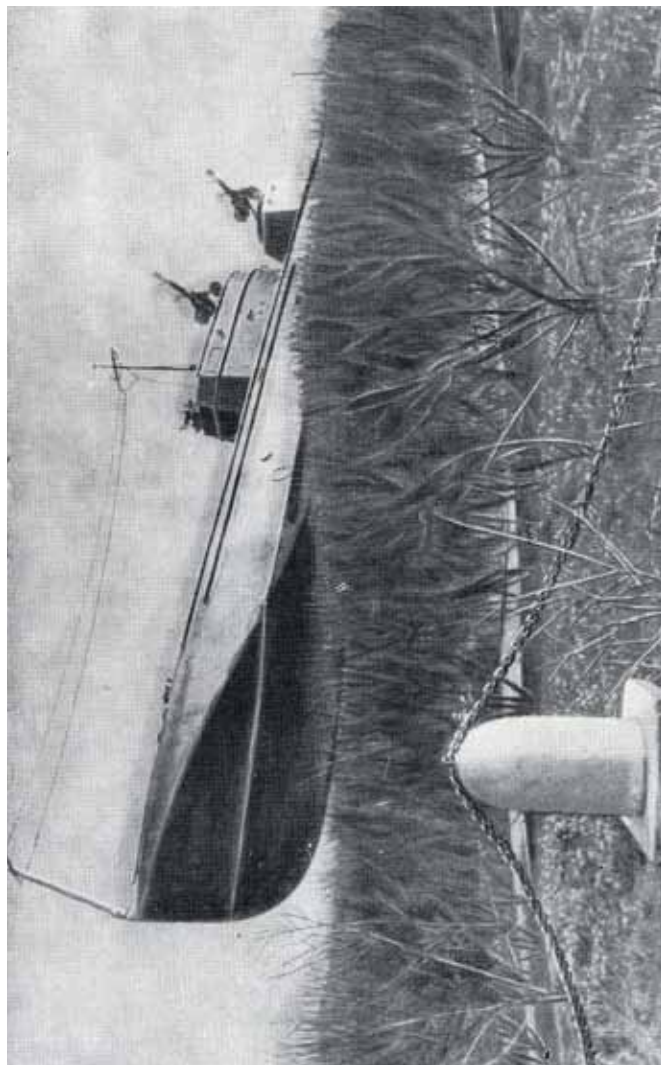
При подходе к базе, куда мы шли за получением боевого задания, подул ветерок, поднимая мелкую волну.

Валька и А. Е. Черцов

На борту катера № 93 (справа налево): командир бригады торпедных катеров В. Г. Проценко, командир «ТК-93» А. Е. Черцов, механик отряда И. Д. Белецкий

Памятник погибшим морякам с торпедных катеров в Севастополе

Катер словно шарик, катящийся по неровной поверхности запрыгал по волнам

Вскоре моторы зарокотали тише. Валька выглянул из из рубки и увидел проплывающие мимо деревья и домики, стоящие вдоль берега речки, в которую уже вошла наша «девятка». Боцман и радист стояли на носу и корме, держа в руках швартовые концы.

Катер подошел к деревянному помосту, заменявшему причал. Заглушили моторы. Краснофлотцы, поймав брошенные концы, закрепили их за кнехты. Дежурный по штабу, высокий стройный командир с бело-голубой повязкой на рукаве, принял мой доклад и ушел. А я направился к своему комдиву, докладывать о завершении ремонта и готовности катера.

Выслушав рассказ о встрече с Валькой и его стремлении стать моряком, комдив разрешил держать Вальку как воспитанника, но не брать в боевые походы.

Через несколько дней наш катер перебазировался в Геленджик. Отсюда почти каждую ночь мы ходили на выполнение задания.

Сначала на время выхода в море мы оставляли Вальку на берегу где он помогал, базовой команду А потом когда настала пора охраны Малой земли, Валька забирался в машинный отсек и ходил с нами в ночные дозоры, на постановку минных полей.

Очень скоро Валька освоил моторное дело. Он никогда не пропускал занятий, которые проводил механик или старшина с мотористами. Наблюдал, как действуют Кузнецов и Шаманский, что они делают по той или иной вводной даваемой механиком. Надоедал своими вопросами до тех пор, пока все не становилось для него ясным.

Валька уже знал, что надо делать, если возникнет пожар, зачем по отсеку разложены небольшие дощечки и деревянные бруски, стоят ящики с чопиками и мотками вязальной проволоки.

На походе он неотлучно находился возле Кузнецова. Сколько у него было радости и детской гордости, когда моторист выходил на несколько минут из отсека и оставлял его одного у мотора! В базе не было конца его рассказам, как он «долгое» время стоял на вахте.

Валька и действительно уже мог в какой-то мере заметить Кузнецова в отсеке, заводить мотор и управлять им. Но его интересовало не только моторное дело. В походах он часто сидел на рубке, нес наблюдение и обо всем замеченном докладывал командиру.

И вот случилось так, что Валька оказался участником ожесточенного боя, проявив при этом большое мужество и оказав экипажу неоценимую помощь.

...Ночная мгла окутала Геленджикскую бухту. Тихо. Только изредка слышен приглушенный рокот моторов — корабли, приняв десант, отходят от причалов в глубь бухты. Идут последние приготовления к штурму Новороссийска.

К пирсу швартуются охотники подразделений офицеров Глухова и Сипягина. На них размещается батальон капитан-лейтенанта Ботылева. Ему предстоит одна из самых трудных задач — разбить центр сопротивления врага, занять железнодорожный вокзал и здание клуба имени Сталина, где размещается командный пункт передовой линии противника.

У другого причала принимают морскую пехоту рыбацкие сейнеры — неутомимые труженики моря. Какую только работу они не выполняли за годы Великой Отечественной войны! Высаживали десанты, перевозили боеприпасы, раненых и эвакуируемых, совершали походы в тыл противника, несли ночные дозоры.

У главного пирса стоит тройка небольших катеров-лимузинов старшего лейтенанта Куракина. На них группа моряков-автоматчиков. В руках ломы, топоры, разноцветные фонари. Они должны высадиться на молах, установить входные огни и дать сигнал, что путь свободен, после того, как лимузины очистят вход от бонно-сетевого заграждения.

Я брожу по пирсу, у которого ошвартован наш торпедный катер. Все, готово, ждем только приказа о выходе в море. Сколько раз за годы войны приходилось так томиться, но вновь и вновь волнуешься, нудно тянется время, в голову лезут воспоминания.

Я думаю о том, что всего два года назад в начале лета сюда съезжались со всех концов страны пионеры, наполняя маленькую бухту и приморский городок веселыми голосами и звонкими песнями. По воде скользили шлюпки

и яхты, а в зарослях горных склонов раздавались барабанная дробь и сигнал пионерского горна...

Прохладный ветерок заполз под реглан, заставил поежиться. Я насторожился и глянул на часы: уже скоро! В бухте — темень и тишина. Зловещая тишина перед боем. А со стороны Новороссийска доносился приглушенный гул: в течение нескольких месяцев днем и ночью шли бои на Малой земле, где высадился десант Куникова, и в районе цементных заводов, где стали насмерть бойцы Приморской армии, задержав наступление фашистов.

В темноте раздалися шаги, и на пирс поднялся начальник политотдела.

— Как, командир, готовы? — спросил он.

— Готовы, товарищ капитан 3 ранга.

— Как экипаж?

— Только что провел беседу, настроение боевое.

— А как у вас Валька поживает? Его не стоит с собой брать. Бой будет жестокий.

— Да, мал еще, — согласился я. — Мы его на берегу оставили.

— Что ж, добро! — сказал начальник политотдела.

Желаю удачи.

Капитан 3 ранга ушел. Вахтенный краснофлотец доложил:

— Товарищ старший лейтенант, с головного катера сигнал.

Я отдал команду:

— По местам стоять, заводить моторы! Раздалися хлопки, рокот моторов. Со стоящих рядом катеров послышалось:

— Отдать носовой!

— Есть, отдать носовой!

— Отдать кормовой!

— Есть, отдать кормовой!

Один за другим от пирса отходили катера нашей группы.

На верхней палубе было тихо. Все люки и иллюминаторы плотно задраены и затемнены. Мелко дрожит корпус — значит, ровно работают моторы.

Я стою у штурвала, в командирском люке. Слева, чуть ниже, старшина механик катера управляет моторами. Его голова на уровне моей груди.

Во входном люке, у пулемета, — командир отделения электриков Саша Петрунин. Он наблюдает за морем по правому борту. У крупнокалиберного пулемета сидит боцман и наблюдает с левого борта.

Погашены все наружные огни. Темно. Тихо. Лишь слышно, как за бортом шумит вода да урчат работающие под глушителями двигатели.

Мы подходим к траверзу мыса Дооб. Петрунин доложил:

— Справа белый проблесковый огонь!

— Есть, белый проблесковый! — ответил я и, повернувшись к боцману, сказал: — Боцман, смотреть за головным, сейчас будет поворот!

— Справа 90, красные створные огни мыса Дооб! — снова доложил Петрунин. И вслед за его докладом голос боцмана:

— Головной начал поворот!

— Есть! Старшина, меньше газ! — И я стал вращать баранку вправо, стараясь удерживать катер в струе головного.

Поворот окончен, и катера, словно стая журавлей, ровным клином понеслись по курсу, ведущему к Новороссийску.

Миновали Малую землю. Скоро она станет Большой. Куниковцы соединятся с бойцами Приморской армии и десантом, который высадим мы.

Я еще раз окинул взглядом палубу, убеждаясь, что все на месте. И вдруг увидел, что люк носового отсека прикрыт неплотно и через щель пробивается свет.

— Боцман! — закричал я. — Кто катер к походу готовил?

— А что? — удивился Панин.

— Люки во время боя будем задраивать? Почему в носовом отсеке свет?

— Товарищ командир, не может быть... Я же сам свет вырубил и сам люк задраил.

Подойдя к отсеку, боцман лег на палубу и приткнулся к щели. Открыть люк он не мог — тогда бы демаскировал и катер.

«Может, замыкание и горит проводка?» — недоумевал он и вдруг в ярости закричал:

— Сейчас же выключи свет и вылезай!

«Что там приключилось?» — подумал я. Полоска света

исчезла, послышалась возня — и вот передо мной появился Панин, держа за шиворот... Вальку.

Да, да, Вальку! Я не поверил своим глазам.

— Как ты сюда попал?

— Я же его сам на берег свел и на базе оставил.

А он, чертенок, значит, удрал, — возмутился боцман.

«Что же делать? — лихорадочно искал я выхода из создавшегося положения. Катер назад не вернешь... Эх, Валька, Валька, ты сам не знаешь, что натворил. Ведь мы в бой идем. Да еще в какой бой! Может быть, никто назад не вернется».

— Товарищ командир, — со слезами говорил Валька, — не ругайте боцмана. Я сам потихоньку спрятался в таранном, когда вы все сидели в машинном отсеке. Не высаживайте меня, товарищ командир, я хочу отомстить за папу и маму.

Эти слова тронули нас, да и ошибку не исправишь — проглядели. Ведь не будешь же выходить из строя и идти к берегу, чтобы высадить мальчонку.

Я вздохнул и сказал:

— Ладно, иди в машинное отделение. Да скажи Шаманскому, чтобы поднялся ко мне.

— Есть, — лихо откозырял Валька и со всех ног кинулся выполнять приказание.

Когда пришел командир отделения мотористов, я приказал ему беречь Вальку всеми силами и спрятать от осколков и пуль между моторами.

— Не беспокойтесь, Андрей Ефимович, сделаем как надо.

Так Валька стал участником битвы за Новороссийск.

...Было уже за полночь. Впереди едва различим Новороссийск. В небе изредка проносятся светящиеся трассы. Время от времени стреляют крупнокалиберные пулеметы, ухают пушки. А из-за перевала доносится гул артиллерийской канонады. Там войска Закавказского фронта перемалывают отступающего врага. Фашисты, окопавшиеся в Новороссийске, даже не подозревают, какие силы входят сейчас под покровом ночи в Цемесскую бухту.

Торпедные катера, пользуясь преимуществом в скорости, первыми пришли в исходные точки. Вот они расположились стайками каждая на своей позиции.

Справа, при входе в порт, против корня восточного мола, стала группа капитана 3 ранга Довгай, против корня западного мола — группа капитана 3 ранга Местникова, а левее его, вдоль берега, охватывая полукольцом мыс Любви, расположились катера капитана 3 ранга Дьяченко. В кильватер за ними расположился отряд, предназначенный для торпедирования причалов и прорыва во внутрь порта.

Нам было известно, что противник, боясь высадки десанта, заминировал в Новороссийске всю набережную, все причалы, заложив в них тонны взрывчатки и мин. Их надо было взорвать.

Так как в порт следовало ворваться одновременно большой группе кораблей с десантом, а входные ворота были не широки, то торпедным катерам ставилась и такая задача: пробить торпедами в молах дополнительные проходы для мелкосидящих кораблей и одновременно уничтожить сосредоточенные на молах огневые точки.

Время приближалось к двум часам ночи — началу общего наступления наших войск на Новороссийск. Сотни командиров частей и подразделений, участвовавших в операции, кто на исходном рубеже на суше, кто на мостике корабля, кто за штурвалом самолета напряженно следили за движением минутной стрелки.

И вот настало это мгновение. Земля, море и воздух вздрогнули от могучего удара, словно в один и тот же миг обрушились горы, поднялся смерч, а в небе разразилась гроза. Порт и город превратились в гигантский костер. Огромными факелами вспыхнули нефтебаки на нефтяной пристани. Левее их запылало здание электростанции, десяткиками огненных глаз осветились -от внутреннего пожара окна здания морского клуба...

Казалось, горит все — даже земля.

А над всем этим огромным полыхающим багровым пламенем пожарищем ослепительными люстрами повисли сброшенные с самолетов осветительные бомбы. Но через несколько минут весь город, порт и всю Цемесскую бухту начало заволакивать дымом и пылью. В наступившем мраке, покрывая гул боя, раздался взрыв неимоверной силы. Это почти одновременно взорвалось до полусотни торпед, выпущенных катерами.

Рванулся в атаку и наш стремительный корабль. Перед нами стояла задача: очистить проход в порт.

— Оба мотора вперед! — приказал я. — Правый аппарат, товсь.

Вот и бонно-сетевое заграждение.

— Пли!

Торпеда ушла в воду. Секунды — и огромный столб воды поднялся к небу, разметав в стороны металлические шары, на которых было подвешено заграждение. На молах уже высадились десантники лейтенанта Крылова. С помощью рейдовых катеров они развели в стороны остатки заградительных сетей. Спустя две — три минуты на молах вспыхнули красные и зеленые огни, замигал сигнальный фонарь, сообщая десантным кораблям, что путь свободен. А наши торпедные катера уже были в порту и громили противника.

Опомнившись от внезапного удара, фашисты открыли огонь из орудий и минометов.

Даже мне, участнику штурма, трудно передать, что творилось в порту. Вокруг все грохотало, свистели пули, осколки. От прямых попаданий торпед взлетали на воздух причалы, близлежащие к воде огневые точки врага.

Наш катер, израсходовав торпеды, повернул назад. Вдруг над нами повисла осветительная бомба, выхватив из темноты стоящий невдалеке подбитый мотобарказ с десанниками. Бойцы, стараясь придать ему ход, гребли кто чем мог: прикладами автоматов, досками от банок, а то и просто руками. Но безуспешно барказ медленно сносило назад, в море.

Первая мысль — подойти и отбуксировать к месту высадки. Но тут раздался пронзительный свист и впереди нас встали четыре столба воды. Когда они опали, барказа уже не было.

Захватив по пути катер Куракина, у которого был разбит мотор, мы пошли к Кабардинке. Спало напряжение боя, сразу же почувствовалась усталость. Казалось, что мы находились под огнем много часов, а всего были там несколько минут.

Меня охватила радость. Шутка ли! Побывать в таком огненном аду и не получить не только ни одной пробоины, но и не потерять никого из членов экипажа. Это было

просто невероятно! Но в то же время нарастала тревога за товарищей, все еще находившихся в бою. Как они там?

Навстречу попадались группами и в одиночку корабли с десантниками. Они спешили к Новороссийску. Надо было торопиться и нам.

Оставив катер Куракина в безопасном месте близ мыса Дооб, мы поспешили в Кабардинку. Сюда же шли и другие катера, побывавшие в бою. Израненные, с зияющими пробоинами в бортах, они принимали новые группы десантников, чтобы мчаться вновь в самое пекло сражения.

Я спрыгнул на причал, когда с противоположной стороны только что ошвартовался катер-охотник. Его командир, с подвязанной рукой, еле стоя на ногах, докладывал старшему по причалу:

— Десантники, высаженные на Каботажную пристань, просят подкрепления и боеприпасов. У меня один мотор выведен из строя. Часть команды ранена, но, если разрешите, я доставлю подкрепление и ящики с минами.

Я шагнул к старшему по причалу.

— Мой катер исправен. Разрешите, мы сходим к Каботажной пристани.

Получив «добро», быстро погрузили ящики с минами и группу бойцов. Моторист Кузнецов, не занятый в это время в моторном отсеке, вместе с боцманом размещали грузы и людей.

Сильно нагруженный катер отвалил от пирса. Механик выжимал из моторов все. Он знал, что нас ждут, что дорога каждая минута. Моторы работали отлично. Недаром Ченчик вместе с мотористами столько с ними возился. Правда, с трудом, но все же удалось выйти на редан. И вот уже катер на полном ходу мчится назад, к Новороссийску.

Над меловыми горами, у цементных заводов, чуть заметно забрезжил рассвет. Фашисты стянули резервы и ожесточенно обстреливали высадившихся десантников. Все наши корабли уже ушли. Мы были первыми из второй волны. Едва наш катер оказался у входа в порт, как на нас обрушился шквал огня. Катер бросало с борта на борт. Столбы воды обрушивались на палубу, с ног до головы обдавая десантников. Но они крепко держались за поручни, а трое из них, устроились около мачты и приготовили к бою свой пулемет.

Мы упрямо шли вперед. Вдруг раздался дробный стук по корпусу катера. Несколько десантников было ранено. Боцман, успев сделать всего две-три очереди из крупнокалиберного пулемета, раненный упал на турель. Заглох правый мотор. Из отсека потянуло гарью.

Всплески от рвущихся снарядов и мин, поднимавшиеся вокруг, закрывали от меня порт. Я вел катер скорее по памяти, чем по ориентирам. И все же мы прорвались сквозь огневую завесу внутрь порта.

Мы уже были около западного мола, как со стороны элеватора нам преградила путь трасса снарядов автоматической пушки. Пришлось скомандовать «Стоп», так как трасса проходила всего метрах в пяти от носа катера. И сразу же — «Полный вперед», чтобы оставить следующую очередь за кормой.

Чувствую: заработал правый мотор. Мелькнула радостная мысль: «Значит, повреждение было незначительное. Теперь обязательно доберемся!» Но радость оказалась преждевременной — мотор снова заглох.

Сильный удар в живот сбил меня с ног. Падая на дно рубки, я увидел, что из бензинового отсека вырываются языки пламени. Сгоряча вскочив на ноги, я опять встал к штурвалу и отдал приказание в машинное отделение тушить пожар.

Коммунист командир отделения мотористов Шаманский, схватив огнетушитель и кошму, прыгнул в бензиновый отсек, комсомолец Кузнецов задраил за ним герметически люк и, не обращая внимания на пули и осколки, выскочил на палубу и принялся затыкать ветошью пробоины, чтобы совсем прекратить доступ воздуха в отсек.

«Сейчас произойдет взрыв, — с тревогой подумал я, — надо ошвартоваться к ближнему причалу, успеть бы высадить десантников».

Но как назло катер пошел еще медленнее.

— Старшина, в чем дело? — спросил я.

Ченчик не ответил. Я нагнулся и потрогал его за плечо.

— Старшина!

Ченчик медленно, с трудом приподнял голову и посмотрел на меня. Взгляд его был мутный, неопределенный.

— В чем дело, старшина?

— Я ранен, товарищ командир...

— Держись, старшина! Я тоже ранен, но нас ждут.

Преодолевая боль и слабость, главный старшина перевел акселератор до предела, Мотор взревел, катер пошел немного быстрее. Но одному мотору тяжело было тащить большой груз.

С западного мола сплошной трассой бил крупнокалиберный пулемет. А наш пулемет молчал.

«Кого бы поставить туда? Вряд ли из десантников кто знаком с ним», подумал я. И в это время услышал, как пулемет заработал.

Я обернулся. За турелью стоял Петрунин. Как я узнал позже, увидев, что боцман упал, командир отделения электриков бросился к турели. Развернув пулемет в сторону мола, он нажал на спусковые крючки. Но пулемет молчал. Быстро перезарядил, все равно молчит. Петрунин осмотрел замок, нашел поврежденные части и заменил их. Лента вложена в барабан, два щелчка — и уже трасса нашего пулемета скрестилась с трассой вражеского. Тот замолчал.

— Молодец, Петрунин! — крикнул я, хотя и знал, что он не может меня услышать.

Но что это? Петрунин медленно опустился около пулемета. Ранен? Да, в обе ноги. Его перенесли в машинный отсек и положили на паелы.

— Идите, я сам, — сказал он, зная, что сейчас каждый член экипажа занят и выполняет не только свои обязанности, но и работу выбывших из строя товарищей.

Достав индивидуальный пакет, Петрунин перевязал свои раны, достал из стоящего рядом ящика аварийные чопы и лежа принялся заделывать пробоины.

Саша Петрунин, комсомолец, командир электриков, был, как говорится, мастер на все руки. Он не только прекрасно знал свою специальность, но мог заменить моториста, радиста, пулеметчика.

Когда я понял, что угроза взрыва от пожара в бензоотсеке миновала, я выровнял катер на прежний курс.

Эх, если бы работал второй мотор! Скорее бы добраться до Каботажной пристани и посадить десантников. Больно было видеть, как они гибли под огнем.

«Что же с мотором? — подумал я и вдруг вспомнил: — Ведь оба моториста заняты тушением пожара в бензоотсеке. Ченчик лежит раненый в рубке. А кто же у моторов?»

— Товарищ командир! — донесся до меня тоненький голосок.

Я глянул и похолодел: из люка машинного отсека показалась белокурая, перепачканная маслом, копотью и кровью Валькина голова. В спешке, во время погрузки боеприпасов и десантников, мы опять недосмотрели за мальчишкой. Он умышленно не показывался мне на глаза, опасаясь, чтобы его не оставили на берегу, а теперь в пылу боя я совсем забыл про него.

— Валька! Ранен? — с тревогой крикнул я.

— Нет, — замотал он головой. — Я мотор починил. Можно заводить?

— Давай, Валька, давай, милый!

Валька скрылся в машинном отсеке, и через несколько секунд я услышал, как заработал второй мотор, и почувствовал, что катер заметно увеличил ход.

— Ну, теперь мы дойдем, молодец, Валька! — громко сказал я.

Оказывается, оставшись один в отсеке, Валька заметил, что правый мотор заглох. Он начал припоминать, чему его учили Кузнецов и Шаманский, и тут увидел, что по стенке бежит струйка масла.

«Ага, — подумал он, — наверное, пробит масляный бак или маслопровод».

Валька достал из аварийного ящика дюрит, разрезал его вдоль, схватил плоскогубцы, моток проволоки и юркнул за мотор. Так и есть — пробит маслопровод. Валька попытался наложить на отверстие пластырь, но горячее масло обжигало руки, брызгало на лицо. Тогда он снял с себя голландку и набросил ее на пробитое место. Затем дюритом придавил медную трубку и быстро обмотал проволокой.

Валька старался делать все так, как во время учебных тревог учил мотористов механик Ченчик...

Вскоре послышался стук. Кузнецов открыл герметически задраенный люк в бензиновый отсек, и оттуда вывалился закопченный и обгоревший Шаманский. Он доложил, что пожар ликвидирован.

Вскочив в горящий отсек, Шаманский увидел, что один из баков пробит зажигательной пулей. Струйка бензина растекалась по баку, и языки пламени уже подбирались

к нему. К нашему счастью, из этого бака бензин в моторы еще не поступал. Он был полон. Поэтому удалось избежать взрыва. Шаманский, разбив огнетушитель, бросил его в пламя, а сам стал обтягивать бак кошмой.

В то время, когда Шаманский был в бензоотсеке, Кузнецов поспевал всюду. Казалось, его не брали ни пули, ни осколки. Заткнув ветошью пробойины в районе бензинового отсека, он перенес раненого Петрунина вниз. Потом увидел навалившегося на щиток управления бледного механика Ченчика.

— Старшина, куда ранен? — просто спросил он. Тот что-то промывчал в ответ.

Сняв с Ченчика бушлат и разорвав окровавленную тельняшку, Кузнецов увидел осколок в спине механика. Пройдя сквозь грудь, он задержался под лопаткой. Не раздумывая, моторист схватил его зубами и с силой дернул так, что Ченчик вскрикнул. Быстро наложив механику повязки на раны, Кузнецов побежал в машинный отсек, где увидел Вальку. Тот стоял, вцепившись ручонками в рычаг переключения муфты скоростей и не спускал глаз с телеграфа, готовый мгновенно выполнить сигнал из рубки.

— Ну, что, Валек, страшно воевать? — крикнул Кузнецов.

— Не, — коротко ответил Валька.

Но по бледному лицу было видно, что все происходящее вокруг потрясло его.

До пристани оставалось метров тридцать. И тут осколки от мины градом осыпали катер, лавировавший между всплесками от разрывов. Оба мотора сразу заглохли.

Кузнецов подскочил к баллону и хотел сжатым воздухом завести их. Но осколком новой мины перебило стержень вентиля: Катер по инерции подошел к берегу и ткнулся в причал.

Я стоял у штурвала, даже малейшее движение вызывало нестерпимую боль в животе.

Десантники, сидевшие на палубе впереди рубки, по команде своего взводного командира быстро выпрыгнули на берег. Солдаты, находившиеся в желобах позади рубки, замешкались. Катер стоял под углом к причалу, и корма не подошла к берегу. Нужно было кому-то выскочить со швартовым концом и подтянуть ее. Но вся верхняя коман-

да катера лежала раненая, а мотористы были заняты в машинном отсеке.

Не раздумывая, я хотел выскочить из рубки и отдать приказ десантникам о высадке. Но, как только пошевелился, перед глазами поплыли красные круги и я упал вниз на причал.

Я смутно разобрался, что десантники наконец-то подтянули корму и начали выгружать ящики с боеприпасами.

Очнулся уже в рубке, куда меня перетащил Кузнецов. Половина задания была выполнена. Теперь надо было увести в безопасное место катер.

— Моторы в исправности! — доложил Кузнецов.

Включив моторы враздрай, развернули катер и на полном ходу пошли к выходу из бухты. Не успели отойти и нескольких метров, как левый мотор был разбит снарядом мелкокалиберной пушки.

Я почувствовал удар в спину, сильный, но мягкий.

«Вот и еще раз ранен», подумал я. Но проходят доли секунды, а боли не чувствуется, и я стою на месте. Тут я увидел, что по рубке, лопаясь, с шипением прыгали красные, белые, зеленые шарики. Ченчик лежа ловил их, накрывая бушлатом. Это зажигательная пуля попала в ящик с ракетами.

Катер медленно шел на одном моторе. Через несколько минут мы были бы за молом и укрылись от огня пулеметов и мелкокалиберных пушек. Но тут снарядом разворотило скулу. Вода хлынула в таранный отсек. Кузнецов, упершись ногами в мотор, держал спиной выгнувшуюся под напором воды переборку между отсеками. Радист Полич ставил распорки. Вскоре к ним присоединился Шаманский, и они помпой приняли откачивать воду.

Мое сознание то затуманивалось, то прояснялось. Я напрягал все силы, чтобы вывести катер из-под огня. Но вот мол кончился, поворот — и наступило затишье. Я упал без сознания на дно рубки. Катер, потеряв управление, стал описывать циркуляцию. В машинном отсеке сразу почувствовали это и послали Вальку посмотреть, что случилось.

Выскочив в рубку, он увидел, что у штурвала никого нет. И командир, и механик, и боцман лежали без движения. Плача Валька схватился за штурвал.

Ченчик открыл глаза и в изумлении посмотрел на нашего воспитанника.

— Валька?! А где командир?

— Ранен.

— А ты подставь под ноги ящик, — посоветовал механик, видя, что из-за маленького роста тот не может даже выглянуть из рубки.

Валька быстро подставил себе под ноги ящик с боцманским инструментом. И без того с трудом слушаясь руля, катер плохо повиновался слабым Валькиным рукам, уходил влево.

Но, выполняя указания механика, Вальке все же удалось лечь на курс к мысу Дооб.

Еле движущийся, рыскающий из стороны в сторону катер привлек внимание людей. На причалах Кабардинки и на командном пункте, наблюдая за нами, делали разные предположения. Одни говорили, что катер ведет раненый командир, теряющий порой сознание. Другие думали, что на корабле остался один человек, обслуживающий одновременно и работу моторов в машинном отсеке и управление кораблем, а остальные члены экипажа, очевидно, или убиты или тяжело ранены.

Навстречу нам уже спешили Семен Ковтун и Костя Кочиев. Описав на полном ходу циркуляцию за кормой нашего «ТК-93», их катера прикрыли нас двухъярусной дым-завесой от берега, с которого фашисты опять открыли огонь.

Идя параллельными курсами, мои боевые друзья запрашивали семафорами, что у нас случилось и нужна ли нам помощь. Но Валька не знал семафорной азбуки. Поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, он кричал им:

— Командир ранен!

— Боцман ранен!

— Механик ранен!

Но разве слабый Валькин голос можно было услышать за шумом моторов? Кочиев подошел почти вплотную к нашему борту и знаками спросил Вальку:

— Где командир?

— Ранен, ранен! — закричал Валька, тыча себя пальцем в грудь и показывая вниз, на дно рубки.

Наверх выбежал Полич, чтобы посмотреть, что делает Валька. Кочиев просемафорил приказ:

— Застопорить моторы! Примите на борт людей.

Сорвав с головы бескозырку, Полич засемафорил в ответ: — Застопорить не можем, вода зальет моторы. Дотянем до берега сами.

Полич снова опустился в отсек. Долго на палубе он оставаться не мог, надо было помогать мотористам, которые из последних сил откачивали воду.

Я очнулся от боли. Это отчаявшийся Валька тряс меня за плечо и плача кричал почти в самое ухо:

— Товарищ командир, товарищ командир!

С трудом приподнявшись, я выглянул в иллюминатор и увидел, как два катера шли бок о бок с нашей «девяткой», словно готовясь в любой момент подхватить ее с двух сторон и поддержать, ежели она станет тонуть.

А волны уже захлестывали палубу, катер все глубже и глубже зарывался в воду.

По левому борту проплывал обрывистый мыс Дооб.

Кочиев знаками показывал Вальке, чтобы он направил катер к нему и выбросился на берег. Валька, хоть и понимал его, но не мог решиться на это без моего приказа.

Медлить было нельзя.

Он испуганно посмотрел на меня, но послушно завертел штурвал. Катер выскочил на прибрежные камни.

Вскоре к нам подошел мотобот и переправил раненых на катер, доставивший нас в Геленджик.

На причале возвращавшихся встречал командир бригады Андрей Михайлович Филиппов. Тут же стояли санитарные машины.

Краснофлотцы вынесли меня на руках с катера и передали санитарам. Подошел Семен Ковтун.

— Куда ранило, Андрюша? — спросил он.

— В живот, навыйлет.

— Ну, ничего, поправишься, — сказал он, стараясь говорить как можно бодрее. Но видно было, что он опечалился: ранение в живот многие считали смертельным.

— Возьми у меня в кармане кителя комсомольский билет, — попросил я, передай на хранение в политотдел.

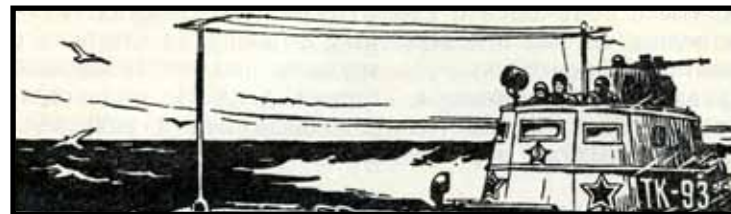
Мы расцеловались. Это была наша последняя встреча. Вопреки всему, я выжил, а мой друг Сеня Ковтун погиб вместе со своим катером в следующую ночь.

В госпитале, куда меня доставили, был такой же фронт, как и в Новороссийске. Только тут врачи, операционные

сестры и санитары «сражались» за жизнь каждого раненого. Меня оперировал молодой хирург. К сожалению, не знаю его фамилии, но буду помнить его всю жизнь.

После операции меня навестил командир бригады. Вместе с ним пришел Валька. Он рассказал, что прибывший с базы аварийно-спасательный катер заделал пробоины на нашей «девятке», откачал воду и снял с камней. «ТК-93» имел свыше двухсот пробоин различных размеров. После ремонта, пока я находился на длительном лечении в одном из южных городов Черноморского побережья, его водил на боевые операции в Керченском проливе мой друг Виктор Сухоруков. Это был отважный и решительный командир, отличившийся во многих боях. Он служил в отряде Кочиева почти до самого окончания военных действий на Черном море и героически погиб, потопив крупный вражеский транспорт на рейде в Констанце.

Валька уехал учиться в Тбилисское нахимовское училище. За участие в Новороссийской операции он, как и многие члены нашего экипажа, был награжден орденом.

ПОБЕДА В КРЫМУ

Спустя шесть месяцев я выписался из госпиталя и вернулся на свою «девятку». Экипаж радостно встретил меня. Правда, не было Вальки, не было и главного старшины Ченчика, уехавшего в Тбилисское нахимовское училище воспитателем. Вместо него механиком катера был назначен Зайцев. По инвалидности списали с флота Сашу Петрунина. Но остальные, залечив свои раны, вернулись на катер.

Ранним утром мы вышли из ремонтной базы и направились в Геленджик, куда перебазировалось наше подразделение. Переход был тяжелым — вдоль почти всего Кавказского побережья. Для такого маленького корабля, как наша «девятка», путь немалый. Да к тому же в районе Туапсе нас захватил сильный шторм.

В Геленджике нас ждало разочарование: мы не застали здесь катеров нашего подразделения — они были уже в Анапе, — и нам снова предстоял длительный путь.

Мы работали допоздна, приводя катер в порядок после шторма. Все были в приподнятом настроении: скоро присоединимся к своим и пойдем в бой.

Едва забрезжил рассвет, как мы уже были на ногах: не терпелось быстрее выйти в море. На пирсе собрался личный состав базы.

— Счастливого пути!

— Бейте крепче фашистов! — напутствовали нас.

Взошло солнце. Мы покинули Геленджикскую бухту. Вскоре показался Мысхако. Легендарная Малая земля! Еще

совсем недавно здесь бушевало пламя войны, и как память о боях лежали здесь груды позеленевших гильз, виднелись остовы искореженных фашистских «тигров» и «пантер». А колхозники уже трудились на виноградниках. Правда, только женщины, старики, дети. Но они старательно расчищали плантации, подвязывали и подрезали лозы, окапывали их, чтобы уже в этом году получить урожай.

Мы шли вдоль берега, где нам был знаком каждый мысок, каждая бухточка. Сколько раз здесь мы вступали в бой с вражескими катерами!

На минуту застопорили моторы, и весь экипаж выстроился на верхней палубе. С обнаженными головами, в скорбном молчании мы мысленно повторили клятву отомстить за погибших товарищей. Среди них были и мои друзья по училищу лейтенанты Иван Кубрак, Леонид Власов.

...На Анапском рейде катера нашего подразделения стояли с работающими моторами. С флагманского корабля нам передали семафором приказ встать концевыми в походном порядке. Катера направлялись в Ялту. Оттуда мы должны были начать боевые действия под Севастополем.

Я стоял за штурвалом. Легкий ветерок едва рябил поверхность моря. Несмотря на усталость, настроение было хорошее. Мы все ближе и ближе подходили к Севастополю — колыбели Черноморского флота, к городу, где я стал военным моряком.

В районе Керченского пролива нас легонько потрепали трех-четырёхбальные волны. Но когда миновали скалу Парус, камни Эль-Чан-Кая, море снова стало зеркально гладким, и мы быстро шли вперед, к Ялте.

Я разрешил на больших переходах, когда не было опасности, отдыхать повахтенно, прямо на постах. Но спать никто не хотел. Все вышли на верхнюю палубу.

По борту проплывали берега Крыма. Вот скоро на траверзе появится Судак. Как складывается обстановка! Всего несколько дней назад тут нельзя было появиться нашим катерам, ибо их сразу бы уничтожили фашистские самолеты. А теперь враг ошеломлен и бежит.

Солнце уж скрылось за высокими горами, когда мы вошли в маленькую ялтинскую бухту и стали на якоря.

Еще совсем недавно Ялта, находясь под пятой фашистских оккупантов, казалась мертвым городом. Жители

выходили из домов и подвалов очень редко. По улицам с пронзительным воем проносились военные машины. Набережная была уставлена железобетонными долговременными огневыми точками, а улицы, спускающиеся к морю, перекрыты каменными стенами. Всюду торчали стволы пушек и пулеметов: фашисты боялись нашего морского десанта.

Но никакие укрепления не уберегли гитлеровских захватчиков от разгрома. 16 апреля 1944 года с гор, нависших прямо над Ялтой, словно соколы, спустились партизаны. По Симферопольскому шоссе, через Гурзуф и Никитский сад к Ялте устремились бойцы славной Приморской армии. С моря, из туманной дымки, оставляя за собой пенящиеся буруны, показались наши малые корабли. Они на полном ходу шли прямо в порт.

Мощный короткий удар — и фашисты, бросая оружие и технику, в панике спешно бежали к Балаклаве.

Коварный враг жестоко расправлялся не только с жителями Ялты, но и со своими солдатами. На молу фашисты уничтожили всю прислугу румынской батареи. Очевидно, румынские артиллеристы отказались прикрывать отступление, или, вернее, бегство, своих хозяев, и были убиты выстрелами в затылок.

Убегая, гитлеровцы заминировали причалы. Через каждые десять — пятнадцать метров было заложено почти по грузовику аммонала. Провода от взрывателей соединили со взрывательной машинкой, спрятанной в доте, где был оставлен смертник.

Оккупанты рассчитывали, что солдат взорвет мол с причалами, когда в Ялту придут корабли и ошвартуются. Но фашист струсил. Едва в городе появились наши войска, он сдался в плен.

Несколько дней минеры откапывали и вывозили взрывчатку.

В первую же ночь пребывания в Ялте я получил приказ идти в составе группы, которую флагман поведет к Херсонесскому мысу. Эта весть мгновенно облетела экипаж. Радости не было конца. Мы первыми идем к Севастополю! Скоро, возможно, будем и в самом городе, ведь части Приморской армии уже двинулись из Ялты дальше и не сегодня-завтра будут вести бои на подступах к Севастополю.

Разъяснив задачу, флагман спросил меня:

— Выдержишь?

— Выдержим! — ответил я. Другого сказать я не мог, ведь перед нами Севастополь. Правда, в практике почти не встречалось случаев, чтобы торпедный катер был на ходу без перерыва целые сутки. Наш же катер был старым, сильно потрепанным в боях, экипаж устал, но я верил в своих людей. Все они были коммунисты и комсомольцы.

Пока наш экипаж принимал из баков большого восьмиторного флагманского катера горючее, проверял готовность оружия и состояние механизмов, ко мне подошел Александр Кананадзе.

— Так, значит, вместе к Севастополю? — спросил он.

— Вместе, Сандро. Желаю счастливого плавания.

— И тебе успеха и побед.

В то время мы и не предполагали, что Кананадзе первым откроет боевой счет под Севастополем и что ему одному из первых среди нас будет присвоено звание Героя Советского Союза.

Через час мы выходили из порта, взяв курс на запад. В темном небе стояло огненное зарево. Бои шли уже в районе Балаклавы.

Миновали мыс Сарыч, и сразу же стало болтать. Засвиствел ветер, волны становились все круче, все злее.

Пришли в заданную точку, застопорили моторы. Катер развернуло лагом к волне, и началась качка. Болтало так, что, казалось, душу вывернет наизнанку.

Сквозь шум волн до нас с берега доносился грохот канонады. Нарастающий рев мотора заставил меня насторожиться. Всмотревшись в темноту, я увидел в небе синие вспышки выхлопов. Прямо на нас, набирая высоту, летел тяжелый транспортный самолет, направляясь в Румынию.

Боцман, вцепившись руками в рукоятки пулемета, вел ствол впереди самолета. Одно слово — и он открыл бы огонь. Но сбить из нашего пулемета такой самолет было трудно, а по стрельбе нас могли обнаружить фашисты, и мы сорвали бы выполнение поставленной перед нами задачи.

Боцман скрипнул зубами в выругался:

— Улетел, гад! Да ничего, все равно долго не налетает, поймает его кто-нибудь на мушку.

Час проходил за часом. Уже укачало многих из экипажа, а ветер крепчал, шторм расходился не на шутку. Стало ясно, что в эту ночь нас постигнет неудача. Вряд ли в такую погоду вражеские корабли рискнут выйти в море, да и трудно их будет атаковать на такой крутой волне.

Вскоре был получен приказ командования возвращаться назад. И тут наша «девятка» не выдержала. Пройдя миль пять по бушующему морю, мы резко снизили скорость.

— Старшина, в чем дело? — крикнул громко я. Зайцев бегом направился в моторный отсек и, вернувшись, доложил:

— Левый мотор вышел из строя.

— Сколько времени потребуется для ввода? — спросил я.

— Много, — неопределенно ответил старшина, и я понял, что дело серьезное и вряд ли мы из него выпутаемся своими силами, да еще в походе.

Но мотористы приступили к разборке мотора, ибо у катерников давно выработалось правило — какая бы поломка ни случилась, ремонт начинать сейчас же.

Оказалось, что лопнул валик. Снять помпу забортной воды на ходу мы, правда с очень большими трудностями, могли, а вот валик заменить было нечем.

Борясь с сильной волной, «девятка» шла под одним мотором. Сколько я ни подавал сигналов впереди идущим катерам, их никто не заметил. Вскоре мы потеряли из виду всю группу.

Я понимал, что идти на одном моторе в открытом море было рискованно. Нам могли повстречаться катера или самолеты противника. Я принял решение: свернуть с курса и, пренебрегая минной опасностью, идти к мысу Сарыч. У берега мы могли вступать в бой с кем угодно — нас бы поддерживали батареи, уже расположившиеся по всему побережью.

На рассвете сквозь густую сетку дождя слева по носу увидели берег. Наступал хмурый, штормовой день. Но гораздо опаснее для нас сейчас был воздушный враг — истребители. В случае их появления они вмиг бы напали на наш поврежденный одинокий катер. Поэтому мы держались близко к берегу. На наше счастье, дождь шел до половины дня и видимость была плохая.

Пребывание в море на ходу свыше полутора суток и сильный шторм свалили с ног многих из экипажа. Хотя

я уже четвертый раз сменил мокрое до нитки обмундирование, но снова стоял мокрый, продрогший и не мог пошевелиться.

В машинном отделении один старшина Зайцев упорно продолжал разбирать переднюю часть мотора, а все остальные лежали укачанные.

К одиннадцати часам утра мы подошли к мысу Ай-Тодор. Шторм утих, небо прояснилось. Хотя с трудом, но все же дотянули до базы. Кочиев уже приготовился идти на поиски нас, но в это время береговые посты передали в штаб, что мы благополучно идем своим ходом вдоль берега и нашему плаванью ничто не угрожает.

Ошвартовавшись у причала, получили приказ разгрузиться, передать боеприпас и остаток горючего другому катеру, готовившемуся в следующую ночь идти в боевой поход.

Пришли механики подразделения для выяснения причины поломки и установления времени, требуемого на ремонт. И тут оказалось, что валика помпы нет и в маневренной базе. Новый выточить негде, значит, надо ждать, пока придут катера из Геленджика и доставят запасные части.

Нас перевели в глубь бухты и поставили в сторонке, у края причала.

Ждать! А разве легко ждать, когда кругом все кипит? Четвертый Украинский фронт прорвал оборону у Перекопа, захватил Евпаторию, Бахчисарай, кольцом охватывает Севастополь. Приморская армия наступала на Балаклаву.

Фашисты, припертые к морю, яростно оборонялись. Для прикрытия своего отступления они бросали в бой войска своих союзников. А сами в это время на всех имеющихся плавсредствах эвакуировали через Севастополь боевую технику и припасы.

У наших катерников было много дел. Каждую ночь они ходили на коммуникации противника и топили вражеские корабли и транспорты.

Можно ли в такое время сидеть сложа руки? Весь экипаж искал выхода из создавшегося положения. Моторист Кузнецов вместе с командиром отделения целый день копались в кучах подбитой фашистской техники. Наконец нашли деталь, подходящую к нашей помпе. Стали вручную

подгонять ее. Остаток дня и всю ночь трудились всем экипажем. Нелегко снять помпу, не поднимая передней части мотора, но еще труднее поставить ее на место. Скрипя зубами от боли, обдирая до крови руки, испачканные в мазуте, мы не выходили из моторного отсека до утра.

Радисты — это наша катерная интеллигенция. Радист даже по авралу не назначается на тяжелую работу, дабы не натрудить руки, как выражаются, не сбить их. Но и тот, засучив рукава комбинезона, промывал в ведерке с бензином части полуразобранного мотора.

Механик катера примерял и прилаживал валик в помпу. Он невозмутимо спокоен. Мурлычет под нос песню и делает свое дело, не обращая внимания ни на кого. Но это только кажется. Едва радист занес руку с деталью, в которой была резиновая прокладка, над ведерком о бензином, механик громко окликнул его:

— Нельзя, бензин разъест прокладку, этим усложнишь работу.

А когда я положил молоток на край мотора, механик вежливо предупредил, что если он упадет в трюм, то выпачкается в масле и трудно будет им работать.

В машинном отделении механик — хозяин. Он знает каждый агрегат, его работу, знает, где лежит любой болт, гайка, инструмент.

На рассвете я вышел на причал. Воздух был по-весеннему чист и прохладен. В порту — тишина. Экипажи части катеров еще отдыхали, а где-то в море, может быть, вели бой другие. А мы торчим здесь из-за этой проклятой неудачи при первом же выходе.

Правда, много требовать от нашей «девятки» мы не могли. Сколько у нее в корпусе заплат и замененных листов, сколько раз перебирались моторы, об этом знали только начальник мехмастерских капитан Рукавицына да механик части.

К обеду закончили работу в моторном отсеке. Все убрали, очистили трюмы, и я побежал доложить командованию об устранении поломки и просить разрешения выйти на внешний рейд для испытания мотора.

Испытав моторы на различных скоростях, мы вернулись в бухту, чтобы провести испытания уже при полной нагрузке.

Товарищи в базе работали с еще большей напряженностью. Ведь они должны обеспечивать нас всем, обогреть, обсушить, накормить, подвезти горючее, залечить раны в бортах катеров.

Не успели мы подойти к основному причалу, как у борта уже стоял бензовоз. Шофер Андрей Буланов быстро залил бензин в баки. Надо сказать, что если наши катера обошли почти все побережье Черного моря, то он на своем заправщике-вездеходе прошел этот путь по берегу. Бывало придем в какую-нибудь бухту или порт, а он уже тут как тут, спрашивает, куда подавать машину. Так же самоотверженно трудились базовые торпедисты Павел Букович, Яков Шалом. Все приготовленные ими торпеды работали безотказно.

Закончив погрузку, снова вышли на внешний рейд. Сначала шли на малых оборотах. Моторы работали хорошо, ровно. Не спуская с меня глаз, старшина Зайцев стал увеличивать ход. Он поднимал акселераторы, все прибавляя обороты. С затаенным дыханием прислушивались мы к левому мотору. Тянет. 1200 оборотов, 1600... И вдруг... резкий визг, треск — и мотор заглох.

В люке показалась голова Кузнецова. Он безнадежно махнул рукой. Все было ясно — снова лопнул валик.

Возвращались в базу на одном моторе. Наш труд оказался напрасным, катер опять выбыл из строя.

Злые и мрачные, сгрузили торпеды, слили горючее и поставили катер на старое место. Когда же пришлют из Геленджика долгожданную помпу?

Мотористы решили выточить валик. Нашли подходящий кусок металла. Целый день бегали по городу в поисках токарного станка. Черные, запыхавшиеся, но веселые вернулись они на катер. И опять закипела работа в моторном отсеке.

А дни шли. Все сочувствовали нам, но помочь ничем не могли. В бухте кипела боевая жизнь. Катера, которые были в прошлую ночь в море и не нашли противника, по приходе в базу разгружались и передавали боезапас и остаток топлива на другие корабли, готовящиеся к выходу. Тылы еще подтягивались, и горючего, а также боеприпасов не хватало.

Несколько ночей катера ходили к Севастополю, и все безрезультатно. Никак не могли перехватить караваны противника.

Придут в заданный квадрат, простоят на предполагаемых курсах врага целую ночь, а его и не встретят. Перед вечером летчики доложат, что обнаружены далеко в море идущие к Херсонесу корабли. А ночью на подходах опять ничего нет. Значит, враг хитрил.

Но можно ли перехитрить катерников, особенно такого, как наш «Батя». Так мы называли своего старшего товарища Афанасия Иовича Кудерского. Большую часть своей трудовой жизни он посвятил службе во флоте. Начал ее рядовым матросом, еще на паровых торпедных катерах, потом стал командиром, а в годы Великой Отечественной войны уже командовал подразделением.

За долгие годы службы он многое видел, многое познал. Отлично изучил море и морскую жизнь. Умел по мельчайшим признакам предугадать погоду. Бывало подойдет к нему на причале молодые командиры и спрашивают:

— Нам, сегодня идти в море, будет ли ночью шторм?

А он медленно, не спеша послуныив палец, подымет его над головой, повертит в разные стороны и потом так же не спеша скажет:

— Идите, море спокойно всюду, шторма не будет.

Это была, конечно, шутка, но базировалась она на чутье старого моряка, которым он узнавал погоду в море и почти никогда не ошибался.

«Батя» был хладнокровен, рассудителен, берег свой корабль и жизнь членов экипажа. Никогда не лез, как говорится, на рожон, не принимал опрометчивого решения и всегда старался занять более выгодное, лучшее положение для катера во всех опасных случаях.

Слух был у него изумительный. Часто, случалось, сидим на причале, кушаем. Вдруг «Батя» замрет, не донеся ложку с кашей до рта. Потом вскочит и стремглав несется на катер, надевая на ходу каску, которую он всегда носил на поясе.

На катере Кудерского уже раздавались звонки боевой тревоги, и он отваливал от причала, когда в порту взывали сирены, оповещая о воздушном налете, и мы все следовали примеру «Бати».

Он-то первым и открыл боевой счет под Севастополем, находясь на корабле Александра Кананадзе.

В том походе группа «Бати» составила «интернациональной». Одним катером командовал русский Георгий

Петров, другим — грузин Сандро Кананадзе, а третьим — еврей Яков Лесов.

Ночь выдалась темная. Катера шли к Херсону. Поиск продолжался недолго. На вражеские корабли катерники наскочили внезапно.

— ...Передо мной вдруг встала стена, — рассказывал потом Кананадзе. — Я не успел опомниться, как наш катер оказался под бортом огромного корабля. Из-за близкой дистанции пришлось стопорить моторы и дать полный назад. В этот момент на транспорте раздался трезвон колоколов громкого боя, объявлявших тревогу. Нас обнаружили. Загрохотали пушки, но снаряды пролетали выше, так как наш катер находился в мертвой зоне. А в то время, пока я отходил от транспорта на дистанцию выстрела, Петров и Лесов, шедшие в уступе справа от меня, проскользнули под самой его кормой и вышли на противоположную сторону каравана.

Петров развернулся правой циркуляцией, выпустил торпеды в борт одного из кораблей и снова вышел на ту же сторону, где был я. Тем временем Яша Лесов ринулся в голову конвоя. Там шел тральщик. Спеша на помощь своим транспортам, он разворачивался на обратный курс и заметил катер Лесова. Весь свой огонь гитлеровцы перенесли на него. Один из снарядов попал в корабль нашего друга. На катере сдетонировали торпеды, и все было кончено — экипаж погиб мгновенно. В эту же минуту взорвались торпеды, выпущенные нами. Большой транспорт противника разломился надвое и быстро затонул.

Так под командованием «Бати» были потоплены сразу два фашистских транспорта, но и мы потеряли боевых друзей — Якова Лесова и его экипаж.

С этого времени противник почти каждую ночь не досчитывал нескольких своих транспортов. Катерники меткими ударами торпедных атак нарушили важную вражескую коммуникацию. При этом многие наши матросы, старшины и офицеры проявляли подлинный героизм.

В одном из боев особенно отличился командир катера Георгий Рогачевский со своим мужественным экипажем.

Произошло это так. В район поиска катер пришел глубокой ночью. Боцман Рудаков первым увидел караван противника и доложил командиру. Рогачевский посмотрел

в указанном направлении. Кораблей было много, и шли они скопом.

— Один... три... пять... десять... — считал он вслух. — Да, многовато, но врага не считают, а бьют.

И ту же раздалась его команда: «Аппараты, товсь! Полный вперед!»

Выйдя на выгодную позицию, Рогачевский развернул катер и повел его на сближение с противником. Впереди, прямо по курсу, шел транспорт. С короткой дистанции выпустили торпеду, и вскоре раздался оглушительный взрыв. На курсе отхода Рогачевский попал в самую гущу вражеских кораблей. У него оставалась еще одна торпеда, но атаковать было невозможно. Ураганный огонь не подпускал катер, на дистанцию залпа. Пришлось отвернуть и отойти в сторону.

Но упорство наших катерников сломить огнем трудно. Рогачевский повторил атаку, но попал под перекрестный огонь. В корпусе судна появились пробоины. Сорвался и второй заход. Однако стоило противнику перенести внимание на другие наши катера и открыть по ним огонь, как Рогачевский в третий раз пошел в атаку. И удачно. Метким торпедным ударом была потоплена большая самоходная баржа.

Потопив два вражеских судна, катер лег на курс отхода. Экипаж праздновал победу. На душе у всех было радостно, настроение боевое.

Но ликовали катерники рано. Когда им казалось, что все опасности остались уже позади, из темноты внезапно выскочили три сторожевика противника. Они с ходу открыли огонь по нашему катеру, шедшему малым ходом из-за повреждения в моторе, и стали охватывать его полукольцом, оттесняя в море.

Боцман Рудаков и пулеметчик Фармагей сразу же открыли ответный огонь. Уклоняясь маневрами от трасс противника, Рогачевский вел катер в сторону своей базы, но оторваться от противника из-за малой скорости не мог.

Разгорелся упорный бой. В перерыве между стрельбой Рудаков услышал звон падающей каски. Взглянув в рубку, он увидел, что каска упала с головы командира, видимо сбитая пулей. Боцман быстро снял свою каску и, наклонившись, взял ее.

нившись через люк, надел ее на командира. Рогачевский только мотнул головой.

Не успел боцман убрать руку, как другая пуля, угодив в каску, вскользь пробороздила на ней глубокую канавку и повернула ее задом наперед на голове Рогачевского. Взмахом руки командир поправил ее и, не отрываясь от штурвала, продолжал маневрировать кораблем.

Долго продолжался этот неравный бой. Долго преследовали гитлеровцы наш катер. Упал около турели смертельно раненный боцман Рудаков. Его место у пулемета занял мичман Андриади. Вместе с пулеметчиком Фармагеем, им удалось меткими очередями поджечь один из катеров противника. Объятый черным дымом, он отвернул в сторону, а за ним последовали и другие катера. К рассвету Рогачевский привел свой израненный, но непобежденный корабль в базу.

Победы наших товарищей прибавляли нам силы. Мы работали день и ночь. Но успех был незначительным. Сделаем одно, ломается другое.

Базовая мастерская была полностью загружена ремонтом катеров, ходивших на боевые задания. Поэтому наш экипаж был предоставлен сам себе.

— Все равно, — утверждали базовые механики, — без нового валика мотор надежно в строй не введешь.

Однажды, после майских праздников, наладив мотор, мы вышли на пробу. Моторы работали хорошо, но скорости не было. В чем дело? Все проверили, обо всем передумали, а причину никак не найдем.

Вернулись в бухту. Кузнецов нырнул под катер. Вылез из воды расстроенный.

— Погнуты лопасти винтов, — доложил он.

У причалов и на дне бухты было затоплено много всякого хлама. В одном месте лежала подводная лодка, в другом — торпедные катера. Это был результат налета катеров Кочиева на порт, когда здесь базировались еще фашистские малые корабли. Очевидно, таская нашу «девятку» от причала к причалу, мы где-то и погнули лопасти.

Что же делать? Поднять катер из воды негде и нечем. Водолазов тоже нет.

Но наши мотористы и тут не отчаялись. Собрали противогазы, отвинтили гофрированные трубки, соединили их вместе. Один конец прикрепили к противогазной ма-

ске, в которой под воду опустился командир отделения, другой держали над поверхностью. Это давало возможность довольно долго находиться под водой.

Винты сняли. Но как же их выправить? Бронза — она хрупкая. Разогрели на костре, но от первого же удара молотком кусок лопасти отвалился. Что ты будешь делать! Недаром говорят: где тонко, там и рвется. Побежали искать сварочный аппарат.

А время шло. Приближались дни последних боев в Крыму. В Севастополе наши войска уже ворвались на Корабельную сторону.

Ждать больше было нельзя. Узнав, что группой, выходящей сегодня к Херсонесу, будет командовать Кочиев, мой непосредственный начальник, я решил обратиться к нему с просьбой включить и наш катер.

Константин Георгиевич внимательно посмотрел на меня и, видимо, понял мое состояние. Он коротко сказал: — Добро, готовься!

Катер ожил. Все с радостью приступили к проверке своих боевых постов.

Только старшина Зайцев был хмур. Он не знал, радоваться ему со всеми или нет.

— Больше тысячи оборотов из моторов выжимать нельзя, — сказал он, — а то опять скиснут.

— Знаю, старшина, знаю, — весело ответил я, — нам бы только до Херсонеса дотянуть.

Кочиев дал мне задание — вместе с группой идти до мыса Ай-Тодор, а дальше, чтобы не задерживать других, следовать одному до точки встречи.

Море было спокойно. Но наш выход опять чуть не сорвался. Едва мы миновали Ай-Тодор, Кузнецов доложил:

— Прекратилось поступление забортной воды, моторы греются.

Пришлось застопорить ход.

Зайцев, обвязавшись концом, нырнул под катер. Вода была очень холодная, но механик, пока не очистил сосуны, на борт не поднялся.

И снова медленно идем к Хереонесу. Уже у Балаклавы нас застигла ночь. Мы усилили наблюдение. В этом районе плавало много разных предметов, в том числе и мины. Дублер боцмана Ромашев принайтовал себя концом к но-

совой мачте и, принимая на себя всю силу удара волны, когда она захлестывала палубу, показывал мне рукой на появляющиеся впереди предметы. Этим он помогал мне уклоняться от опасности.

В точку встречи мы пришли к полуночи. Катера нашли сразу. Обменявшись еле приметным сигналом, я занял свое место в конце ордера, и группа продолжала поиск.

В этот поход с нами впервые пошел недавно зачисленный на катер юнга Клеоник Шерстнев. Для него это был вообще первый боевой выход, сопряженный с неизведанными опасностями и риском для жизни. Впрочем, юноша вряд ли даже осознавал всю серьезность нашего положения. Сам поход катеров, видимо, представлялся ему лишь игрой в войну. Клеоник то и дело перебегал с места на место, все хотел видеть, во всем принимать участие. В то же время он зорко наблюдал за горизонтом и, к его чести, первым заметил караван вражеских судов.

Срывающимся от волнения голосом юнга доложил мне: — Справа 10° — корабли противника!..

Я посмотрел в том направлении и различил темные силуэты судов, движущихся прямо на нас.

На головном катере тоже заметили противника. Кочиев, резко развернувшись, повел всю нашу группу в темную часть горизонта с тем, чтобы вражеские корабли оказались под луной, а мы — в темноте. Застопорили моторы, притаились в ожидании выхода противника на выгодную для нас позицию.

И вот перед нами стали проходить суда всевозможных типов: тральщики, катера охранения, транспорты, баржи, буксиры — все, что могло плавать, на чем могли бежать фашистские захватчики, спасаясь от ударов наших войск.

Караван еще никто не потревожил. Нашим катерам предстояло первым нанести по нему удар. «Но кому выпадет честь начать атаку?» — думал я, наблюдая за вражескими кораблями и выбирая цель. В это время в наушниках моего шлемофона раздался голос Кочиева:

— «Девятка», атакуй!..

Я даже вздрогнул от неожиданности. Радостное волнение охватило сердце, нервы напряглись до предела. В тот же миг я двинул рукоятку телеграфа вперед, Из машинно-

го отсека послышались приглушенные звонки, фыркнули моторы, и катер малым ходом тронулся с места.

Выбрав для торпедирования большую баржу, я быстро произвел расчеты атаки и пошел на сближение до точки залпа.

Дистанция между катером и баржей быстро сокращалась. Вот осталось уже четыре, три кабельтовых, но мне кажется, что время остановилось. Какими долгими стали секунды!..

Баржа все ближе и ближе. На лунной дорожке четко вырисовываются ее очертания. Уже видны на корме и на носу пушки, солдаты. Но вот гитлеровцы засуетились, стали с лихорадочной быстротой разворачивать орудия в нашу сторону: значит, заметили! Медлить больше нельзя.

Подаю команду:

— Залп!

Катер прыгнул вперед. Торпеда, скользнув по рельсам в желобе, нырнула в воду, затем выскочила на поверхность и, оставляя за собой белую дорожку взбудораженной воды, устремилась прямо в центр баржи.

Мы легли на курс отхода. Противник открыл по нам беспорядочный огонь. Со всех ближайших кораблей вражеского каравана к нам потянулись огненные трассы. В темноте со свистом проносились снаряды. Разрываясь, они подымали столбы воды. Осколки осыпали катер. В рубке что-то треснуло, послышался скрежет раздираемой обшивки, кто-то застонал...

В этот напряженный момент боя я увидел, что юнга Шерстнев вдруг выскочил из рубки и грудью навалился на смотровое стекло справа от меня. В первое мгновение у меня мелькнула мысль, что Клеоник это делает со страха, только я не мог понять, для чего. Но, взглянув мельком в лицо юнга, заметил, что он вовсе не испуган. Наоборот, он был радостно возбужден, в глазах его не таилась и тень тревоги.

Лишь после боя я выяснил причину непонятного мне поведения Шерстнева. Оказывается, он выскочил из рубки и прикрыл своим телом смотровое стекло потому, что в нем отражался лунный свет.

— Ведь противник мог заметить этот отблеск, и ему легче было вести огонь по нашему катеру, — просто объяснил свой мужественный поступок смелый юнга.

Я похвалил Клеоника за храбрость и находчивость.

Однако независимо от мужества и самоотверженности всего экипажа нам пришлось бы очень туго если бы Кочиев не повел в атаку катера Сухорукова, Белобородова, Келина. Они прошли мимо нас на полном ходу, вздымая за кормой пенистые буруны, и отвлекли внимание противника от нас. Весь свой огонь фашисты перенесли на них.

К тому же в это время раздался взрыв нашей торпеды. Мы видели, как огромный столб огня, воды и дыма поднялся в ночное небо, баржа разломилась надвое и стала быстро погружаться в море. Это вызвало панику среди гитлеровцев. Их огонь стал еще более беспорядочным.

Но у нас оставалась еще одна торпеда. И хоть катер наш был потрепан огнем, не имел полного хода, не могли же мы везти ее обратно в базу, когда перед нами движется столько заклятых врагов!

Без колебаний пошли мы вторично в атаку. Воспользовавшись тем, что противник отвлечен другими нашими катерами, завязавшими бой в голове каравана, мы пошли контркурсом в хвост вражеских судов.

Неожиданно из темноты выскочил фашистский сторожевой катер типа «Олень». Он оказался так близко от нас, что мы ясно видели прислугу у пушек и пулеметов, командира и его помощника на мостике. К счастью, на фашистском сторожевике нас, видимо, приняли за своих и лишь для проверки дали по нам короткую очередь. Боцман Панин не растерялся и ответил им такой же короткой очередью светящихся пуль, как бы подтверждая;

— Ну, конечно, свои мы!..

Этим он окончательно ввел в заблуждение командира сторожевика, и тот ушел в голову каравана.

Перед нами показался буксир, тащивший за собой большую баржу до предела нагруженную боевой техникой. Мы торпедировали ее.

Наблюдая за следом выпущенной торпеды, у всех нас сжалось сердце — она могла проскочить между буксиром и баржой. Но перепуганный командир буксира, стараясь увернуться от торпеды, увеличил ход и сам подставил баржу под удар. А после взрыва он, волоча за собой оторванный нос баржи, полным ходом стал улепетывать от нас.

Теперь можно было уходить и нам. Мы догнали нашу группу, дожидавшуюся нас в намеченной точке, и все вместе возвратились в базу.

Две очереди с «девятки» сообщили собравшимся на Причале, что мы завоевали право входить в бухту первыми.

Уже наступил день. В просторной комнате штаба соединения собрались катерники, чтобы отметить боевые успехи только что вернувшихся с моря.

Проснулся я далеко за полдень. Окинул взглядом машинное отделение и увидел привычную картину отдыха катерников после боя. Люди, уставшие от тревожных бессонных ночей, от сильного нервного напряжения в минувшем бою, заснули в самых разнообразных позах.

Пошевелиться, я не мог, что-то давило сверху. Приподняв голову, увидел, что это моторист Кузнецов, подложив под себя пробковый пояс, примостился рядом со мной и не почувствовал, как положил свои ноги в больших кирзовых сапогах на меня.

По соседству, на другом моторе, спали в обнимку электрик и командир отделения мотористов. А боцман — любитель свежего воздуха — примостился под входным машинным люком и, упершись спиной в таранную переборку, спал сидя, подобрав под себя ноги и положив голову на колени.

«Спим, а кто же будет готовить катер? — с тревогой подумал я. — Этак нас и не возьмут больше!..»

Был теплый майский день. Солнечные зайчики играли на иллюминаторах и на надраенных дюралевых поручнях.

На причалах шла обычная работа. Бензовозы заливали горючее, грузились торпеды. Тут же на расстеленных брезентах набирали пулеметные ленты.

Вдали, у мола, стояло несколько офицеров. Среди них я узнал механика своего подразделения Малышева. Желая узнать обстановку сегодняшнего дня, я было направился к нему, как меня окликнул Кочиев.

— Твоя «девятка» пойдет сегодня к Севастополю головным в группе капитан-лейтенанта Погорлюка, — улыбаясь, сказал он.

— Головным?! Но ведь у нас и хода почти нет...

— Ничего, — засмеялся Кочиев, — катера пойдут под стать твоему: Келина, Опушнева и Белобородова.

— Ну и отряд! Да мы самую тихоходную баржу не догоним.

— Больше послать некого. Будете использовать внезапность — так успеха добьетесь.

Я поспешил на катер будить экипаж и готовиться к выходу. Но подошедший Малышев сказал:

— Пусть отдыхает — «девятка» к походу готова.

Оказывается, пока мы спали, товарищи с катеров, не ходивших в прошлую ночь в море, под руководством механика зарядили и заправили нашу «девятку». Были погружены торпеды, залито полностью горючее, откачена вода из трюмов.

В море вышли задолго до захода солнца, чтобы дойти до района боевых действий к намеченному времени. Для прикрытия от авиации и катеров противника нашей группе придавались два морских охотника, которыми командовали мои однокурсники по училищу Седлецкий и Аксенов.

Выход из базы прошел благополучно, но уже за мысом Ай-Тодор наш отряд стал распадаться. Первым выбыл из строя катер Белобородова: на нем заглохли сразу два мотора. Затем отказал мотор на катере Келина.

Я представлял, как были огорчены этой вынужденной остановкой наши товарищи и особенно Белобородов — молодой, но уже опытный командир, не раз отличившийся в боях. Он одним из первых среди нас был награжден орденом Красного Знамени за подвиг, совершенный еще в начале войны.

Произошло это так.

...Катеру «СМ-3», которым командовал старший лейтенант Каримов, приказали срочно оказать помощь летчикам, упавшим в море на подходе к Керченскому проливу.

Катерники спешно, не ожидая подхода прикрытия, вышли на выручку летчиков. В этот день на корабль явился только что назначенный дублером командира молодой лейтенант Белобородов.

На пути к месту, где терпели бедствие авиаторы, катер перехватили баражировавшие в этом районе фашистские истребители. Несколько «мессершмиттов» набросились на него и захлестали очередями из пулеметов и автоматических пушек.

Моряки мужественно отражали атаки противника. Пулеметным огнем им удалось сбить один самолет, и он рухнул

в море. Второй фашистский истребитель получил повреждения и, волоча за собой дымовой хвост, полетел к берегу.

Но вскоре над катером появилась другая стая «мессершмиттов» и с еще большей яростью возобновила атаки.

Вода вокруг катера кипела от пуль и снарядов. Вышел из строя один из моторов, погиб пулеметчик. Его тотчас сменил механик главный старшина Юдин и тоже был сражен вражеской пулей. Белобородов помогал раненому боцману вести огонь из другого пулемета. Вдруг он заметил, что катер потерял управление. Обернулся к рубке. На мостике — никого. Командир катера, старший лейтенант Каримов, лежал навзничь без признаков жизни. Из нескольких пулевых ран сочилась кровь.

Белобородов вскочил в рубку, встал за штурвал. Теперь катер уже не мог обороняться от наседавших «мессершмиттов». Пулеметы молчали. На палубе лежали убитые и раненые. А фашистские летчики делали все новые и новые заходы, поливая безмолвный подбитый корабль огнем.

Казалось, участь Белобородова решена. Его уже дважды ранило, но лейтенант не терял присутствия духа и, превозмогая боль, продолжал маневрировать катером, выводить его из-под огня.

Воля и отвага Белобородова победили. Гитлеровцы так и не смогли потопить катер. А когда показались наши самолеты, спешившие на выручку одинокому кораблю, фашисты поспешно удрали.

Так прошел первый день стажировки дублера — командира катера лейтенанта Белобородова, ставший днем его «боевого крещения».

А сейчас он, досадуя на свои заглохшие моторы, с завистью смотрел на проходившие мимо него группы катеров Кочиева, Петренко. Оставляя за собой белые кипящие буруны, торпедоносные корабли мчались туда, где гремел последний бой за освобождение родного Крыма, где получали заслуженную расплату остатки разгромленных войск фашистских захватчиков.

Стемнело, когда мы пришли в район наших действий. Заглушили моторы, притаились. Прошло много времени, а противника не видно.

— Ну что ж, — сказал Погорлюк, посмотрев на светящийся циферблат часов, пора, пожалуй, начинать поиск.

Но в это время с морского охотника просигналили, что видят далеко в море осветительную бомбу, а под ней дым корабля, идущего к Севастополю.

В наушниках у меня защелкало, и я услышал голос приданного нам летчика-разведчика:

— Подо мною транспорт противника, идет курсом на Херсонес, скорость...

«Эх, скорость, скорость!.. Ее нам не хватало, а транспорт надо было обогнать и зайти с левого борта. Успею ли?»

— Иди! — приказал Погорлюк.

Ночь выдалась лунная. Но в прибрежной полосе от дыма и пепла было темно. На мысе Херсонес шла последняя схватка за Крым, за Севастополь.

Там стонала земля от непрерывных разрывов снарядов и бомб, зловеще полыхало багровое зарево, и трассы свящихся пуль огненными строчками полосовали дымное небо.

Фашисты отбивались с отчаянием обреченных. Они с надеждой смотрели в море, ожидая спасительных кораблей, но суда эти не доходили до берега — их топили наши черноморские корабли и самолеты. А если транспорты и приходили, то фашистское командование приказывало грузить на них прежде всего боевую технику, оружие, а не солдат, жизнь которых ставилась ни во что.

Вот когда настал для оккупантов час сурового возмездия!

Мы помнили, как злобствовали они здесь же, на мысе Херсонес, в июле 1942 года, зверски расправляясь с защитниками Севастополя, прижатыми к морю. Тогда гитлеровские летчики в упор расстреливали наших израненных моряков и пехотинцев, уходивших на шлюпках в море, а фашисты на катерах рубили винтами плавающих в воде, добивали их выстрелами из автоматов.

Мы все помнили и теперь били их нещадным боем!

Чтобы атаковать обнаруженный транспорт, мне необходимо было зайти в темную часть горизонта. Из-под луны атаковать было нельзя, т. к. противник обнаружил бы нас на довольно большой дистанции и внезапность атаки была бы сорвана. А внезапность при нашей скорости обеспечивала половину успеха.

Я стал обходить транспорт по корме и уже вышел на выгодную позицию, как вдруг в этот момент наш лет-

чик, сделав последний круг над подходившим к берегу судном, сбросил осветительную бомбу. Над нами словно засияло солнце. Пришлось застопорить моторы и ждать. Минуты шли томительно медленно, а транспорт уходил все дальше и дальше. Эх, и ругали же мы в этот момент нашего летчика, так не вовремя осветившего наш катер!..

Наконец бомба потухла. К этому времени транспорт встал на рейде. В бухту Камышевую он пройти уже не мог. В ней всюду торчали из воды остовы затонувших барж и катеров, потопленных нашими кораблями и самолетами. У самого причала догорал лежащий на борту, полузатонувший транспорт. Да и бой на берегу быстро приближался к бухте. Снаряды нашей сухопутной артиллерии уже то и дело рвались на рейде. На фоне горящего берега мы хорошо видели преследуемый нами транспорт и снующие вокруг мелкие суда.

Дистанция — 5 кабельтовых. Далековато для ночного выстрела, но ближе подходить нельзя — могли обнаружить катера охранения.

— Не торопись, всматривайся хорошенько! — ободряюще заметил командир группы Погорлюк.

Торпеда пошла в цель. Мы свернули с боевого курса и легли на обратный. Казалось, прошла уже вечность, а взрыва все нет и нет.

Погорлюк, нервно следивший за секундной стрелкой, не сдержался, с досадой сорвал с головы шлем, ударил меня им по плечу и сердито промолвил:

— Эх, ты, по какой цели промазал!..

Я не успел и рта открыть. За меня ответила торпеда. Она угодила в самый центр транспорта. Грохот ее взрыва разнесся далеко по рейду, столб огня, дыма и воды поднялся к темному небу, как огромный гейзер. Пламя мгновенно охватило палубу и надстройки судна, а затем последовал новый взрыв.

Как выяснилось позднее, мы торпедировали транспорт с авиационным бензином, предназначенным для самолетов, стоявших на Херсонесском аэродроме без горючего. Они, кстати, так и остались на месте, а на следующий день были захвачены нашими войсками, занявшими херсонесский мыс.

— Молодчина, Черцов! — воскликнул обрадованный командир группы. — Извини, друг, что погорячился. На отходе, когда наша «девятка» вместе с катером Опушнева шла к морским охотникам, встретила группа фашистских кораблей, спешивших к Херсонесу. Катера охранения на полном ходу проскочили мимо, не заметив нас. Они торпедировали на помощь горевшему транспорту. Опушнев и я торпедировали две баржи. Обе торпеды почти одновременно достигли цели, и два взрыва возвестили о том, что еще два судна, которых ожидали фашисты для своего спасения, пошли на дно.

Не считая нескольких пробоин в корпусах катеров, мы благополучно вернулись к ожидавшим нас морским охотникам. Тут же находился и Келин.

Я взглянул, на часы, было четыре часа ночи. Луна зашла. Над морем повеяло утренней прохладой. Видимость ухудшилась. У Келина оставалось еще две торпеды.

Мы и не знали, что в эти самые минуты в Севастополе закончился бой и враг капитулировал. Командир решил использовать торпеды Келина и приказал, не отрываясь далеко от мыса Фиолент, продолжить поиск кораблей противника.

Вскоре из темноты до нас донесся шум двигателей большого судна. Погорлюк приказал Келину атаковать его, а мне ложной атакой отвлечь огонь противника с другой стороны. Но скорость не позволила нам это сделать. Корабль на большом расстоянии проскочил мимо. Потом мы узнали, что его потопили другие наши катера.

Рассвело. У мыса Ай-Тодор увидели катера, идущие нам навстречу. Мы удивились. Наступал день. Куда же они идут? Ближе всех от нас шел катер Кананадзе. Мы застопорили моторы, попросили Сандро подойти к нам. Он первым перепрыгнул к нам на борт и с сияющим лицом крепко обнял каждого из нас.

— С победой, друзья! Враг капитулировал, война в Крыму окончена.

— А вы куда же?..

— Подбирать плавающих в море немецких солдат.

В базе нас встретили радостно. Наши залпы слились с залпами в честь победы в Крыму.

...Вскоре мы пришли в Севастополь. Я получил новый катер и на нем принимал участие в освобождении румынского и болгарского народов от фашистского ига. Мы высаживали десанты в порты Сулии, Констанцу, Варну, вели бои на Дунае, а закончив войну, с победой возвратились в родной Севастополь.

Севастополь — овеянный славой город-герой!.. В нем каждый камень, каждый клочок земли омыт кровью мужественных советских воинов, оборонявших его в 1941-1942 годах и освобождавших от фашистских захватчиков в 1944 году.

Наш народ свято чтит память героев, погибших за Севастополь.

После Великой Отечественной войны в Севастополе увековечена память и моряков торпедных катеров, сражавшихся на Черном море и павших смертью храбрых в боях за Родину. На берегу Карантинной бухты, над братской могилой героев-катерников, сооружен замечательный памятник: на белой мраморной плите, изображающей вспененные морские волны, высится боевой торпедный катер, один из тех, на которых сражались наши погибшие товарищи. Он устремлен к морю, на палубе ощетинились пулеметы, а в антенных проводах поет свою вольную песню черноморский ветер.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Море зовет	3
Дни суровых испытаний	10
Ночные удары	24
Валька	42
Победа в Крыму	65

ЧЕРЦОВ АНДРЕЙ ЕФИМОВИЧ
В ОГНЕ ТОРПЕДНЫХ АТАК

Редактор *Щеголев В. В.*
Художник *Лыков В. М.*
Технический редактор *Мельникова А. Н.*
Корректор *Пушкарёва Е. П.*

Репринт на издание

Подписано в печать 14.04.15
Формат 70×100 1/16. Печать цифровая.
Тираж 300 экз.

ООО «ИГ Изопроект»
127422, Москва, ул. Костякова, дом 12
тел.: +7 495 610-2140
www.izoproekt.ru